

Ликвидатор. Тени прошлого

Автор:

[Александр Пономарев](#)

Ликвидатор. Тени прошлого

Александр Леонидович Пономарев

Апокалипсис-СТЛиквидатор #1

Молодой и успешный журналист готовится стать главным редактором московского филиала популярного международного журнала. Однако у судьбы на него другие планы. Нелепая случайность приводит Сергея в Зону и дает в наставники опытного сталкера-ветерана. Уроки мастера не проходят даром. Вскоре Сергей вместе с учителем отправляется в Припять в попытке отыскать путь домой. Но вернуться всегда сложнее, чем уйти. И даже если Сергею удастся найти способ вырваться из Зоны, сумеет ли он остаться прежним, пережив столько опасных приключений и узнав невероятную тайну Чернобыля, или новые знания изменят его навсегда и разрушат надежды когда-нибудь вернуться в Москву?

Александр Пономарев

Ликвидатор

Тени прошлого

Серия «STALKER»

© А. Пономарев, 2017

* * *

Глава 1

В двух шагах от мечты

В последнее время удача изрядно баловала меня. Ничто не предвещало того, что моя жизнь вот-вот сделает крутой поворот. Начальство проявляло ко мне благосклонность: сплошные благодарности, премии, похвалы, намёки на бурный карьерный рост. Никто в Moscow Time уже и не сомневался в том, что скоро я и сам войду в ряды руководства и займу пост главного редактора, о чём я мечтал последние годы.

Без лишней скромности могу сказать, что я состоялся как журналист и в своей сфере уже считался профессионалом. Так что расположение ко мне нашего начальства было вполне заслуженно: зря я, что ли, пять лет оттарабанил на посту зама и лез из кожи вон, сутками пропадая на работе?

Когда я только начинал – делал, так сказать, свои первые шаги на этом поприще, – меня заметил Левинзон, наш нынешний отец-командир. Этот человек считался патриархом журналистики: тридцать лет в профессии, феноменальный нюх на сенсации, деловая хватка, как у бульдога. Неудивительно, что Фил Крейтон – хозяин медиаимперии Time и, по совместительству, царь, бог и воинский начальник для всех, кто имеет отношение к этим четырём благословенным буквам, – сделал его одним из своих главных помощников.

Так вот, во многом именно благодаря Левинзону, который привёл меня сначала в «Караван историй», потом в «Огонёк», а оттуда уже позвал в «МТ», я стал тем, кто я есть.

На личном фронте, казалось, тоже всё было на мази. Анна Золотинская (супермодель!), моя давнишняя любовь, ещё годом ранее почти не смотрела в мою сторону. Ну, разве что на светских мероприятиях, куда я был вхож как

подающая большие надежды звезда московской журналистики. Теперь девушка проводила со мной всё своё свободное время. На мои недвусмысленные намёки и разговоры о прелестях брака она отвечала загадочной улыбкой, скромно потупив взор или мечтательно глядя в полыхающее огнями рекламы ночное небо. В тот день я наконец решился сделать ей предложение и, видимо, запустил тем самым цепную реакцию неудач: похоже, именно тогда и кончился мой кредит везения, пришла пора платить по счетам, причём в прямом смысле.

Я действительно взял в долг крупную сумму денег у серьёзных людей, известных в определённых кругах, да ещё и на короткий срок под большие проценты после двухнедельной отсрочки (это они мне подарок такой на свадьбу сделали – им, видать, тоже ничто человеческое не чуждо).

Знаю, что так делать нельзя, что это, по сути, финансовое самоубийство. Но... куда было бедному журналисту податься, если в банке менеджер отказывает по причине плохой кредитной истории? Я, видите ли, неаккуратный в платежах заёмщик. Так деньги-то с неба не падают, господа банкиры, а соблазнов в Москве – ой как много. К тому же я надеялся на скорое повышение по службе и полагающийся по этому случаю бонус в размере годового оклада. Жалованье-то у главного редактора на порядок больше моего будет. На эти деньги я и рассчитывал, когда ударил по рукам с улыбочивыми ребятами в деловых костюмах. Это раньше они во всяких «адидасах» да «пумах» ходили, сверкая золотыми цепями в палец толщиной, а теперь, вишь, цивилизованными стали, под бизнесменов косят, да только волчий блеск в холодных глазах с головой выдаёт характер их деятельности.

Значит, разжился я деньгами, купил даме сердца кольцо с бриллиантом (да не каким-то мизерным камушком), пригласил Анну в самый фешенебельный ресторан Москвы, причём арендовал весь зал на несколько часов, а это тоже деньги немалые, скажу я вам. И что вы думаете? Она меня подняла на смех. До сих пор в ушах звенит её язвительный голос:

– Вот что, Роднопольский, такую мелочь будешь дарить своим курвам из журнала. Хочешь стать моим мужем? Тогда купи мне кольцо с бриллиантом с грецкий орех. Не можешь – иди на все четыре стороны. У меня в женихах два олигарха ходят и один хоккеист из НХЛ, так что не бойся – в девках не засижусь.

И ладно бы просто посмеялась, так ведь она забрала кольцо, сказав: «А это недоразумение я оставляю себе на память о нашем свидании». В общем,

продинамила она меня на всю катушку. И о чём я думал? Она же супермодель! У нее такие, как я, пачками в ногах валяются.

Короче, кинула она меня, как лоха развела. Видели бы вы, какими глазами смотрел на меня официант, когда принёс счёт. Бьюсь об заклад, он про себя мурлыкал песню на мотив популярного хита:

Какая боль, какая боль,

Светская львица – лузер 5:0.

Но это были всего лишь цветочки, ягодки ждали меня в редакции журнала. Не успел я переступить порог своего кабинета и плюхнуться в скрипнувшее подо мной кресло, как мелодично запел селектор и секретарша Левинзона вежливо пригласила меня «на ковёр» к начальнику.

Сердце тревожно заколотилось. Конечно, вызов главного мог быть связан с чем угодно вплоть до назначения на новую должность, о чём я так мечтал, но почему-то мне казалось, что это не так. У меня было дурное предчувствие.

Я зашёл в лифт, поднялся на пятьдесят второй этаж, протопал по украшенному лучшими фоторепродукциями наших корреспондентов коридору до двери из красного дерева, постучал и, не дожидаясь разрешения, предстал перед светлые очи самого Лазаря Моисеевича.

Здесь-то меня и настигло очередное подтверждение того, что мой запас везения стремительно катится к нулю. Левинзон, протирая клетчатым платком очки в роговой оправе, глухим голосом сообщил о решении большого босса устроить мне экзамен. Тому, видите ли, стало интересно, смогу ли я из обычной темы сделать интересный для наших читателей репортаж. А если конкретно, то Крейтон предложил мне написать статью о популярных в последнее время в светских тусовках всего мира страйкбольных игрищах по мотивам трилогии «Сталкер». Причем игры эти проводились не где-нибудь, а в самом сердце территории отчуждения ЧАЭС, чтобы участники могли полностью погрузиться в атмосферу постапокалипсиса.

«Интересно, – подумал я, закипая от возмущения, – а чем я, в принципе, всё это время занимался? Да я для каждого номера подобные статьи пачками пишу.

Даже Моисеич признаёт, что я из любой ерунды на раз-два могу сделать сенсацию. Да и сам Крейтон меня за это хвалил. Так какого рожна ему теперь понадобилось меня экзаменовать? Или он на место Левинзона какого-нибудь американского парня прочит из достаточно известной семьи? Так сказал бы об этом честно, а не играл со мной в кошки-мышки. Я бы, может, тогда и кредит брать не стал, да и лохом бы таким сейчас себя не чувствовал».

– Так что, Сергей, – с грустным вздохом сказал Левинзон, – я, как мог, постарался облегчить тебе задачу. Видишь ли, вчера в районе ЧАЭС пропала группа из шести сынков высокопоставленных американских шишек...

Я сразу сделал стойку, как напавшая на след ищейка: «Уж не с пропажей ли великовозрастных оболтусов связана эта затея с экзаменом? Может, Крейтон что-то почуял, решил использовать мои таланты на все сто и, чтобы не выдавать свои намерения, замаскировал их таким способом? Хм, похоже на правду, только мне от этого не легче: вступление в должность откладывается на неопределённый срок, а деньги нужны сейчас, иначе братки быстро поставят на счётчик. Конечно, на дворе давно уже не лихие девяностые: долги с помощью утюга и паяльника никто не выбивает, ну так у этих ребят и другие способы в арсенале имеются». Я даже зажмурился, представив, чем эта история может кончиться для меня. Воображение живо нарисовало картинку: я, с зацементированными в тазике ногами, иду на корм рыбам. Ясен пень, Москва – не Чикаго, да и двадцать первый век уже вроде, но кто их знает, этих братков, вдруг среди них есть фанаты гангстерских фильмов. Голливуд многим засорил мозги своими штампами.

Тем временем Левинзон нацепил очки на нос и тем же грустным голосом продолжил:

– Доступ на территорию отчуждения для посторонних пока закрыт, там теперь работает международная следственная группа, но я договорился о встрече с генерал-майором ФСБ Погребняком. Не сам, конечно, – через нужного человека. – Он бросил взгляд на часы. – Встреча назначена сегодня на восемнадцать часов. Постарайся не опаздывать, они там все помешаны на пунктуальности. Думаю, после беседы с ним у тебя проблем с пропуском в закрытую зону не будет. – Лазарь Моисеевич встал с кресла, перегнулся через стол, протянул руку. – Удачи тебе, Сергей, и смотри, не подкачай. Мне позарез нужна эта работа в Штатах, но и бросить своё детище на произвол судьбы я не могу. Ты нормальный мужик, деловой, с понятиями, хороший журналист, и

жилка хозяйственника в тебе есть. Сдай этот чёртов экзамен и с чувством выполненного долга садись в моё кресло.

Я вернулся в кабинет в ужасном расположении духа (хорошо, по дороге никто не подвернулся под горячую руку). В течение пятнадцати минут дубасил подвешенную к потолку пневмогрушу, а когда почувствовал, что потерял заряд злости, сел за рабочий стол.

Физическая нагрузка вернула мне способность здраво рассуждать. Я проанализировал события дня и пришёл к выводу, что ничего такого катастрофического пока не произошло, если не считать пролёта с Золотинской. Более того, непредвиденный экзамен давал мне возможность без лишних проблем уладить кое-какие свои дела. Я давно уже хотел съездить в Чернобыль, побродить по отравленным радиацией местам, увидеть всё своими глазами, пощупать предметы, к которым прикасались руки ликвидаторов аварии.

Вы не думайте, я не сошёл с ума, и интерес у меня был совсем не праздный. В далёком восемьдесят шестом – мне тогда и года не было – мой отец погиб там вместе с большой группой коллег-учёных, ликвидаторов аварии. Причём то, как они погибли, до сих пор остаётся загадкой. Ни одного тела так и не нашли. Специально созданная правительственная комиссия изучила тогда все материалы по делу и постановила, что люди просто испарились под воздействием сверхвысоких температур: пропавшая группа находилась недалеко от реактора, когда произошёл ещё один взрыв – на следующий день после катастрофы. Результаты расследования комиссии сразу засекретили, родственникам сообщили о подвиге и героической гибели их близких и вручили посмертные правительственные награды.

Захоронили героев в запаянных свинцовых гробах (якобы с целью нераспространения радиации), так что родные даже не могли попрощаться со своими мужьями, отцами, дедами. На самом деле в могилах закапывали пустышки. Если бы об этом узнали иностранные журналисты (а похороны известных учёных освещали многие мировые СМИ), мог разгореться международный скандал с непредсказуемыми последствиями. После аварии имидж Союза и так пострадал, так что шишки из ЦК не хотели дополнительно рисковать.

Моя мать оказалась не из тех, кто покорно выполняет требования властей. Она сразу заподозрила что-то неладное и начала своё расследование. За несколько

лет у неё набралось достаточно доказательств того, что общепринятая версия аварии на четвёртом энергоблоке ЧАЭС, мягко говоря, не совсем соответствует действительности. В частности, мама откопала много подробностей о взрыве, произошедшем 27 апреля 1986 года, – том самом, когда пропал мой отец.

Само собой, её деятельность не осталась незамеченной. Люди из КГБ провели обыски у нас дома, изъяли всё, что имело хоть какое-то отношение к аварии и ликвидации последствий, кроме газетной вырезки с общей фотографией пропавшей группы (её мама хранила в жестяной коробочке в тайнике под полом).

Мне было всего три года, когда мамы не стало. История с папой и противостояние с властями сильно подорвали её здоровье. Я получил в наследство коробочку с газетной вырезкой, исписанную карандашом школьную тетрадку, где мама по памяти набросала всё, что смогла узнать о событиях тех дней, и переехал в дом тёти Маши.

Потом, под натиском тётиной любви, я благополучно забыл о полученном наследстве. У маминой сестры никогда не было детей, и она заботилась обо мне, как о своём ребёнке, балуя и потакая во всём. А полтора года назад, разбирая после похорон тёти её вещи, я снова наткнулся на пожелтевшую от времени тетрадку и коробочку с фотографией из газеты. Читая полустёртые карандашные буквы, я загорелся желанием докопаться до правды, но, погрузившись в каждодневную рабочую суету, решил отложить эти благие начинания до отпуска. Потом снова благополучно забыл о них, и вот, видимо, пришло время реализовать задуманное.

На рабочем столе царил привычный бардак: всюду валялись бумаги, страницами вниз лежали раскрытые книги, мерцал синим глазком индикатора включённый в сеть планшет. Я сгрёб макулатуру в угол стола, достал со дна одного из выдвижных ящиков заветную тетрадку и стал читать. Через час, когда была перевернута последняя страница сумбурных маминых записей, я вошёл в Интернет и в первую очередь забил в поисковой строке фамилию Погребняк. Браузер выдал более миллиона ссылок. На третьей странице я наткнулся на сайт, посвящённый истории ликвидации аварии на ЧАЭС, и выяснил, что после аварии генерал-майор, тогда ещё полковник, вплотную занимался вопросами эвакуации гражданских из зоны отчуждения и курировал строительство объекта «Укрытие». По всему выходило, что Моисеич, сам того не зная, устроил мне встречу с человеком, который мог рассказать о последних днях жизни моего

отца и, возможно, поведать правду о том, что же на самом деле с ним произошло. Как-то не верилось мне, что больше полусотни людей взяли и бесследно испарились. Агенты Малдер и Скалли из «Секретных материалов», от которых я фанател в юности, приучили меня к мысли, что «истина где-то рядом», вот я и хотел докопаться до неё.

Когда план действий примерно был сформирован, я стал сёрфить по сайтам, посвящённым чернобыльской катастрофе, и выросшему из неё культурному феномену – вселенной «Сталкер», из-за чего едва не опоздал на встречу. Повезло, что путь до Лубянки занял всего полчаса с небольшим – мизер по меркам столицы. Можно сказать, легко отделался.

На площади Воровского меня ждал приятный сюрприз: обычно здесь яблоку негде упасть, а сегодня свободное место на парковке будто специально для меня берегли. Я только свернул с Фуркасовского переулка на Большую Лубянку, как чёрный «Субару Форестер» врубил задний ход и лихо вырулил со стоянки.

Мой «Икс-пятый» тут же заморгал указателем поворота, ловко свернул налево, подрезав неповоротливый «УАЗ Патриот», и втиснулся в узкую нишу между двумя чёрными «гелендвагенами». Оскорблённый владелец отечественного внедорожника притормозил – видно, хотел сказать всё, что обо мне думает, – но гневный рёв клаксонов подпирающих сзади машин и недвусмысленные реплики недовольных водителей быстро отбили у него это желание. Ограничившись универсальным «Козёл!», лысеющий толстяк показал неприличный жест и с видом оскорблённой невинности отправился на поиски свободного места.

Я посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось около пяти минут: как раз хватило, чтобы добраться до здания ФСБ.

Серая, сплошь усеянная окнами восьмиэтажная коробка сильно проигрывала прежней вотчине могущественной спецслужбы. Расположенное через дорогу историческое здание радовало глаз апельсиновой расцветкой, декоративными пилястрами с капителями и полукруглыми окнами центральных этажей. И не скажешь, что здесь, в мрачных подвалах внутренней тюрьмы, тысячи людей расстались с жизнью во время оно.

Новая же контора службы безопасности была полностью лишена архитектурных изысков. Этакое наследие суровой эпохи социализма: строгие геометрические

формы; узкие контрфорсы, разделяющие стены на равные промежутки, в которых парами расположены одностворчатые окна; облицованный толстыми плитами из тёмно-серого гранита нижний этаж; широкий, массивный, значительно выступающий вперёд портал главного входа. Даже таблички не надо: и так понятно, что здесь находится не институт благородных девиц.

Я поравнялся с тяжёлыми дверями из массива дуба, посторонился, пропуская выходящего из конторы майора с землистым лицом и желтоватыми, навывкате, глазами. Показал дежурившему на входе офицеру паспорт, получил временный пропуск и на лифте поднялся на нужный этаж.

Седой, крепко сбитый человек с морщинистым, как морда у шарпея, лицом внимательно выслушал меня и пообещал, что пропуск в зону отчуждения ЧАЭС мне выдадут на КПП «Дитятки» сразу по прибытии туда. Когда же он встал, чтобы проводить меня за дверь, я торопливо, проглатывая окончания, рассказал о пропавшем отце и попросил помочь узнать правду. Мне показалось, что в его грустных голубых глазах сверкнули тревожные искорки, когда прозвучали фамилии Зибирова (моего отца, я Роднопольский – по матери), Журавлёва и ещё нескольких учёных из пропавшей группы.

– Я пошукаю в отделе Госархива для узкого круга лиц, – скрипуче сказал Погребняк, – но ничего не обещаю, Сергей... – он сделал паузу.

– Просто Сергей, – улыбнулся я. – Молод ещё для отчества, Тарас Григорьевич.

Погребняк пожал плечами – дескать, дело хозяйское – протянул мне правую руку, левой указал на дверь.

– Закон о гостайне никто не отменял, так что особо не надейтесь. Нарушать инструкции ради вас я, естественно, не собираюсь.

– Спасибо, Тарас Григорьевич. – Я пожал его крепкую жилистую ладонь. – Всё понимаю и на многое не рассчитываю. Буду рад любым крохам информации. До свидания и ещё раз спасибо.

В приподнятом настроении я спустился в фойе. От дневной хандры не осталось и следа. Я подумал, что всё не так уж плохо и фортуна опять повернулась ко мне лицом.

О Золотинской я уже и не переживал: «Сорока она, что с неё взять? Тащит всё, что блестит. И хорошо, что она именно сейчас так меня продинамила, нанесла, так сказать, минимальный ущерб». Меня даже передёрнуло от мысли, что могло произойти, согласись она стать моей женой. Да она бы меня до последней нитки обобрала и пустила по миру. И что на меня нашло, когда я решил на ней жениться? Спасибо парню на небесах: вовремя открыл мне глаза, отвёл беду, сделал всё, чтобы я отделался малой кровью.

Глава 2

«На дальней станции сойду...»

Из ФСБ я сразу отправился на Киевский вокзал. По дороге позвонил старому приятелю и сослуживцу Антону Дружинину, объяснил, что к чему, и попросил привезти мой планшет (я его впопыхах оставил на работе). Договорились о встрече возле часовой башни вокзала – той самой, с чёрными металлическими орлами на карнизе.

Выкупить заказанные через Интернет билеты не составило большого труда и не заняло много времени. Однако Антон меня опередил. Когда я пришёл к условленному месту, он стоял ко мне спиной и изучал афишу с портретом какого-то чувака в концертном смокинге.

– Привет!

Дружинин резко повернулся, растянул губы в улыбке, протянул планшет в застёгнутом на молнию сером тканевом чехле:

– Держи.

Я взял гаджет, просунул руку в кожаный ремешок чехла. Антон скептически осмотрел меня с головы до ног.

– Ты так и поедешь?

– А что тебе не нравится? – Я окинул себя беглым взглядом. – Джинсы, рубашка, мокасины – нормальная одежда, для лета – в самый раз.

– Да я не об этом, – скривился Антон. – Вещи твои где?

– Зачем мне лишний багаж? Всё, что надо, ты привёз, остальное я в Киеве куплю. Всегда стараюсь ездить налегке, а то таскаешься с чемоданом, как дурак, не знаешь, куда его пристроить, а в итоге оказывается, что половина вещей и не понадобилась.

Дружинин пожал плечами: дескать, хозяин-барин. Сам-то он даже в краткосрочные командировки ездит с полным чемоданом и сумкой.

– Пойдём, проводишь меня, скоро посадка.

Словно в подтверждение моих слов, с перрона донеслось эхо невнятной скороговорки диспетчера: пассажиров «Столичного экспресса» приглашали пройти к третьему пути.

Огибая пёстро одетые, шумные кучки прибывших и отбывающих, мы нырнули в здание вокзала. Внутри тоже было оживлённо и многолюдно: степенно прогуливались полицейские, сканируя взглядом всех и каждого; у билетных касс змеилась длинная очередь (вот это мне повезло так повезло: опоздай я на десять минут, стоял бы сейчас вместе с этими бедолагами, мог бы и на поезд не успеть); из дебаркадера сплошным потоком лилась людская река – видимо, недавно прибыл аэроэкспресс из Внукова.

Мы двинулись навстречу гудящему, как улей, потоку и вскоре оказались на крытом перроне.

Обогнав носильщика, толкающего перед собой заваленную разноцветными чемоданами тележку, мы подошли к миловидной проводнице в синем форменном костюме с пилоткой такого же цвета на золотистых волосах.

Девушка белозубо улыбнулась:

– Билет, пожалуйста!

– Жаль, он едет, а не я, – сказал Антон, когда железнодорожный ангел взяла мой паспорт с торчащей из него розовой бумажкой билета.

«Вот ведь кобель! – ухмыльнулся я мысленно. – Его гражданская жена дома ждёт, а он здесь с блондинкой флиртует. Впрочем, будь я на его месте, тоже бы подкатил. А что? От красоты не убудет, а человеку приятно. Хорошее настроение, как известно, – залог здоровой обстановки в семье, ну или в компании совместно проживающих».

Тем временем Дружинин источал флюиды своего обаяния:

– Я бы вам подарил незабываемую ночь! Мы бы сидели у вас в купе, я пел бы вам песни, читал стихи, а вы бы поили меня чаем.

– Хорош заливать. – Я дёрнул приятеля за руку, повернулся к проводнице. – Девушка, простите его, пожалуйста, он сам не знает, что несёт. Просто вы так прекрасны, что я скоро тоже слечу с катушек.

Чуть склонив голову набок, фея стальных магистралей улыбнулась (на бархатных щёчках появились очаровательные ямочки) и протянула обратно билет.

– Пятое купе, двадцатое место.

Я отвёл Антона в сторону и дал ему последние указания (Дружинин оставался за меня на должности зама).

– Отправление через минуту, – предупредила проводница, ставя свою очаровательную ножку на ступеньку железной лесенки.

Я попрощался с Антоном и следом за девушкой взобрался в тамбур. Свистнул электровоз, лязгнули сцепки вагонов, и поезд начал медленно набирать ход.

Моими соседями по купе оказались двое молодых парней. Оба были в военной форме с аксельбантами, нашивками, золотыми пуговицами – дембеля. «Странно как-то, – подумал я. – Первая и единственная промежуточная остановка будет в Конотопе на Украине – что там делать дембельнувшимся из Российской армии?»

Разговорились. Курносый со скуластым лицом назвался Сеней и сказал, что они с Веней едут в гости к сослуживцу, который живёт где-то недалеко от границы с Незалежной. Веня – коренастый бурят – пробурчал, что, дескать, всё верно, и отвернулся к окну. Каким образом им удалось договориться с начальником поезда – не знаю, но тот обещал устроить им незапланированную остановку на одной из станций вблизи кордона.

Когда за окном начало смеркаться, мои спутники распаковали сумки. Один достал бутылку водки, при этом в бауле что-то подозрительно звякнуло (ребята, похоже, затарились под завязку), другой – банку рыбных консервов, огурцы, помидоры, хлеб.

– Будешь! – не спросил, а утверждающе заявил Веня.

Я попытался было отказаться, но вскоре понял, что избежать посиделок не удастся, и согласился, успокаивая себя мысленно: «До беспамятства пить меня всё равно никто не заставит. Так, посижу с ребятами за компанию, байки их армейские послушаю. Может, что интересное расскажут. Захочу спать – скажусь уставшим и вздремну».

Сеня сбегал за стаканами к проводнице. Веня, постукивая горлышком бутылки о края посуды, набулькал каждому четвертину.

Выпили, закусили, причём это я закусил, а дембеля коркой хлеба занюхнули и сразу налили по второй.

Я накрыл свой стакан ладонью:

– Повременю малость, надо разогреться сперва, а то давно не тренировался.

Ребята пожали плечами, махнули ещё и принялись орудовать вилками в жестянках с бычками в томате.

– Ты кто по профессии будешь? – спросил Сеня, наливая себе и другу. Я снова взял тайм-аут.

– Журналист. Еду на Украину собирать материал о сборах фанатов игры «Сталкер», – соврал я, наскоро придумав легенду.

– Они игрища прямо в зоне отчуждения устраивают, что ли? – спросил Веня, выпив водки.

– Вроде того, – ответил я, глядя, как Сеня возит в банке с бычками куском хлеба.

Курносый сунул в рот пропитавшийся томатным соусом хлеб и невнятно произнёс:

– Я до авмейки всю твиллогию двавды пвофол. Квассная игуха!

– Во-во. Чокнулся ты на этой игре совсем, – толкнул его в бок Веня. – Каждый день о ней рассказывал, все уши прожужжал о том, какая она прекрасная и замечательная, как интересно бродить по локациям, искать артефакты в аномалиях, сражаться с мутантами, зомбаками и другими сталкерами. – Он постучал ребром ладони по горлу: – Вот так ты меня своими россказнями достал.

– Ну и фто! – Сеня громко проглотил кусок. – Зато мне было о чём говорить. Давай лучше выпьем за тех ребят, что её придумали. – Он разлил остатки водки по стаканам и достал ещё бутылку. – Ты только попробуй погонять её, Веня, я те отвечаю: на следующий день тебя за уши от компа не оттянешь.

– Да иди ты, – отмахнулся бурят. – Я лучше на охоту схожу, белкам в глаз постреляю.

Ребята выпили. Я вместе с ними, поскольку сам не раз засиживался за ноутбуком до поздней ночи, бродя по локациям в поисках редких артов или выполняя задания торговцев.

Впереди раздался протяжный гудок, и вскоре за окном шумно замелькали вагоны встречного поезда: промчался товарняк. За стеклом, под успокаивающий стук колёс, снова потянулись тёмные гребни лесов и бескрайние просторы дремлющих под бледной луной полей. Частенько парили светлячками над землёй огоньки прилегающих к «железке» деревень и посёлков. Временами за полуприкрытыми шторками проносились ярко освещённые переезды, на которых

оглушительно трещали звонки под переменнно мигающими красными фонарями. Редкие в столь поздний час машины терпеливо ждали возле полосатых шлагбаумов, вглядываясь жёлтыми глазами фар в стальную змею с яркими пятнышками окон по бокам.

Иногда вдали появлялись тускло сияющие полусферы ночных городов. Они довольно быстро вырастали в размерах, и вскоре экспресс пролетал мимо подсвеченного ночной иллюминацией провинциального вокзала. В такие минуты в купе вместе с запахами железной дороги врывались свистки маневровых локомотивов, грохочущий лязг вагонных сцепок и торопливое бормотание станционных диспетчеров.

Ночь давно уже перевалила за половину, а ребята по-прежнему хлестали водку. Сеня всё разглагольствовал о культовой игре, о том, как было бы здорово на самом деле оказаться внутри игровой реальности и на собственной шкуре испытать, каково это – схватиться с мутантами или вырвать артефакт из самого сердца аномалии.

Вот так люди и слетают с катушек: сначала происходит полное погружение в игру, а потом наступает зависимость, при которой человек уже не может отличить вирт от реальности.

Ближе к половине четвёртой поллитры дембеля вполголоса затянули солдатские песни. При этом Веня отстукивал такт по столу, а Сеня в перерывах между куплетами насвистывал мотив на горлышке пустой бутылки.

Тихие песнопения дембелей меня убаюкивали. Я не стал противиться желанию организма, прикрыл глаза и незаметно для себя задремал.

Мне приснился странный сон, в котором высокая фигура в плаще с накинутым на голову капюшоном уходила в сторону пылающего леса. Я видел, как рыжие языки огня с треском лизали почерневшие стволы, чьи голые ветви, словно костлявые руки, цеплялись за курчавые бока беременных влагой туч, будто собираясь вырвать из них спасительный ливень, чтобы остановить надвигающийся на одиночку бушующий вал стихии.

Дымная стена огня, с гудением пожирая жухлую траву, гнала перед собой чёрно-коричневую волну бродячих псов. Собаки бежали прямо на незнакомца.

Внезапно стая разделилась надвое. Большинство собак повернули назад, панически завывая, и бросились в пекло, вспыхивая чадными факелами (что-то сильнее огня испугало их в этом человеке). Остальные попятились на полусогнутых лапах, трусливо поджимая хвосты и громко скуля.

Я сделал усилие, пытаюсь дотянуться до сознания путника. Худощавая фигура остановилась, будто почувствовав мой призыв, медленно повернулась. В тени капюшона лица было не видно, только мерцали красные угольки глаз. На миг пропали все звуки. Даже пламя лесного пожара утихло, но вдруг оно вспыхнуло с новой силой, надвинулось гудящей волной, и человек исчез в беснующейся стихии, на мгновение превратившись в охваченную огнём статую.

Я вздрогнул, открыл глаза, потёр руками лицо. Оказалось, дремал я не так уж и долго. Во всяком случае, бутылка всё ещё стояла на столе и в ней, пусть и на доньшке, плескались остатки горячительного содержимого. Дембеля по-прежнему пели песни и, похоже, даже не заметили, что меня какое-то время не было с ними.

В купе заглянула проводница, чтобы спросить, не хотим ли мы чаю, но увидев разгорячённые лица парней, поспешила удалиться. Правда, примерно через полчаса она появилась снова, уже с полными стаканами обжигающего чифирия и большим пакетом сахарного печенья на подносе.

Лена – имя волшебницы железных дорог мы узнали после пары глотков водки и дольки посыпанного солью огурчика – пела песни вместе с дембелями. Как оказалось, её детство прошло в гарнизонной городке при затерянной в тайге воинской части, где она выучила наизусть почти весь солдатский фольклор.

Я слушал этот самодеятельный концерт, накинув на плечи Ленин китель и глядя на пролетающие за окном молочно-белые от лунного света просторы. Когда состав проезжал мимо какой-то станции, я мельком заметил освещённое одиноким фонарём название. Вроде бы оно было на украинской мове. Я тряхнул головой: вдруг померещилось. Хотел ещё раз посмотреть и убедиться, но поезд уже мчался среди бескрайних полей.

В приоткрытое окно, вместе со стуком колёс, врывались медвяные ароматы трав, густо смешанные с запахами технического прогресса. Я полной грудью втягивал этот воздушный коктейль и никак не мог насытиться.

Тем временем дуэт Сени и Лены старательно выводил под барабанную дробь Вени песню Трофима «Аты-баты».

- Жена моя, красавица, покинула меня-а-а, – басил Сеня.

- Она была ни в чём не винова-а-та, – тоненьким голоском подпевала Лена.

На последнем куплете к ним присоединился Веня. И когда они втроём заголосили: «И значит, надо выстоять, покуда не помрём», – экспресс начал сбрасывать скорость.

- О! – обрадовался курносый дембель. – Вот и наша остановка. На дальней станции сойду-у-у, трава-а-а по по-о-о-яс, – затянул он хмельным голосом.

- Слушай, Лен, а отсюда до украинской границы далеко? – спросил бурят Веня. – Сколько ещё километров расейской земелюшки осталось?

- Да вы что, ребята, – певуче ответила проводница. – Мы границу уже час как пересекли.

- Вот с-сука! – Сеня вскочил на ноги, сильно треснувшись головой о верхнюю полку. Лена громко взвизгнула, откинулась на стенку отсека, глядя на дембеля испуганными глазами. – Да я же сейчас его ур-рою! Где эта сволочь?

Веня хмыкнул и покачал головой.

- А я тебе говорил: не надо было с ним связываться. Он мне сразу не понравился.

Сеня зыркнул на приятеля, открыл рот, собираясь ему что-то ответить, но я показал на окно:

- Эй, что это там?

В предрассветных сумерках над пшеничным полем плыл длинный пылевой шлейф. Он быстро приближался, и вскоре на заросшей травой широкой придорожной полосе показался армейский уазик с гербом Украины на капоте и передних дверях. Внедорожник катил вдоль щебенчатой насыпи, гремя

подвеской и хрустя гранитными камушками под колёсами.

Поезд всё сильнее сбрасывал ход и наконец совсем остановился. Вместе с ним затормозил и военный автомобиль, из которого на извилистую тропинку, идущую вдоль насыпи, вышли какие-то люди. Белые рубашки, узкие чёрные галстуки, тёмные костюмы, каплевидные стёкла солнцезащитных очков (я так и не понял, зачем нужны такие очки, когда на улице предрассветная хмарь и до первых лучей солнца ещё как минимум час) – всё в них кричало о принадлежности к спецслужбам.

Помню, я подумал: «Вот придурки! В „Людей в чёрном“ не наигрались, что ли?» В кармане моих джинсов неожиданно мявкнул телефон. В сообщении, отправленном с незнакомого номера, говорилось о том, что на меня объявлена охота, что в скором времени неизвестные выйдут на мой след и что я должен бежать, если хочу остаться в живых.

– Дебилы! – в сердцах выругался я, пряча мобильник обратно в карман. – Опять фигнёй маются, придурки!

В последнее время какие-то отморозки повадились слать на мой номер всякую ерунду вроде предупреждений о заблокированных банковских картах, просьб помочь старушке матери (которой нет со мной уже столько лет!) и объявлений о выигрыше во всяких суперлоторях.

В это время агенты, оглянувшись по сторонам, неторопливо зашагали к бегущему к ним коротконогому человеку с пивным брюшком. Судя по форменным брюкам и белой рубашке с синим галстуком, это был начальник поезда.

– Ах, гадёныш, сдать хохлам нас решил! – заорал Сеня, врезал кулаком по стене и смахнул со столика купе пустые банки из-под консервов, корки хлеба и огуречные попки. – Убью, тварь!

Лена взвизгнула, прижав пальцы к губам. Веня дёрнул оконную раму, схватил пустую бутылку, звонко разбил о край стола. Сеня последовал его примеру, и оба полезли в окно.

Пока они выбирались из вагона, проводница выскочила из купе, а мне снова пришло сообщение. Я сердито выдернул телефон из кармана, ткнул пальцем в зеленоватый конверт на экране.

«Ты всё ещё в поезде? Беги!»

Я заскрипел зубами от злости. Телефонные шутники в своих розыгрышах перешли все грани. Можно понять обычные разводы на деньги. В конце концов, если ты не дурак, то не будешь звонить по указанным в сообщениях номерам или высылать на них деньги для «больной мамочки». Но чтобы следить за абонентом (я решил, что хулиганы через Интернет узнали о билете на поезд и решили посмеяться надо мной), да ещё писать об этом в СМС... Такого издевательства над собой я простить не мог и, разозлившись не на шутку, набрал номер, с которого пришло сообщение.

Вежливый голос автоответчика уведомил меня, что «абонент недоступен или находится вне зоны действия сети». Я решил больше не звонить, а по возвращении в Москву по своим каналам выяснить у оператора связи, на кого зарегистрирован этот номер, и тогда уже принимать меры.

К тому времени дембеля уже спрыгнули на землю и вступили в драку с погранцами.

Агенты не обращали на свару внимания. Они по-прежнему шли к начальнику поезда. Правда, тот уже не бежал, а шёл, еле переставляя ноги, и время от времени останавливался, чтобы перевести дух.

Наконец они встретились. Агенты о чём-то спросили железнодорожника, один из них достал из кармана какую-то карточку – наверное, чью-то фотографию – показал её толстяку. Тот внимательно на неё посмотрел, потом вытянул руку и, бьюсь об заклад, показал на мой вагон.

Телефон у меня в руке снова издал короткий сигнал: пришла эсмэска с того же номера. Сначала я не хотел её открывать, но потом передумал и чуть не выругался, прочитав: «Отсчёт пошёл на секунды».

Я похолодел, ведь всё это не могло быть простым совпадением. Я понял, что сообщения присылали вовсе не хулиганы, а некий таинственный доброжелатель.

Тем временем агенты бросились к моему вагону и до столкновения с ними у меня на самом деле оставались лишь считанные мгновения.

Я схватил сумку с планшетом и выбежал в коридор. Лена сидела у себя в купе и, прижавшись лбом к окну (на стекле от её дыхания появилось матовое пятнышко), смотрела, как Сеня с Веней машутся с украинскими пограничниками. С улицы то и дело доносились звуки хлестких ударов, резкие крики, пыхтение.

Я схватил проводницу за руку:

- Лена! Открой дверь вагона. Срочно!

Девушка посмотрела на меня испуганным взглядом.

- Дверь открой, пожалуйста, - сказал я как можно мягче, чтобы ещё больше не напугать железнодорожницу.

Она кивнула. Посмотрела на улицу, где взбешённый Сеня с воплем «ВДВ!» вырубил пограничника и бросился на приблизившихся к нему агентов, и выскользнула в коридор.

Не дожидаясь, когда Лена опустит подножку, я чмокнул спасительницу в щёку и спрыгнул на камни насыпи. От удара о насыпь в основание черепа будто вонзился берёзовый кол, под ногами громко хрустнуло, а потом перед глазами всё закрутилось и замелькало. Скатываясь по гранитной щебёнке, я разодрал левый бок, сильно ушиб руку о торчащий из травы пенёк и с треском ввалился в кусты бузины. Сверху на меня посыпались сломанные ветки, забарабанили по спине незрелые ягоды.

Ворочаясь в кустарнике, как медведь, я сперва встал на четвереньки, потом сел, приходя в себя. Голова немного кружилась, ободранный бок саднило, чертовски сильно болела рука. Порванный рукав рубашки висел, словно флаг в штилевую погоду. Дембельский китель валялся рядом на куче прошлогодней листвы. Второпях я забыл его оставить в поезде, и теперь у Сени на одну неприятность стало больше. Впрочем, по сравнению с другими проблемами это был сущий пустяк. «Зато мне будет во что одеться, - подумал я. - Утром здесь довольно свежо, и дополнительная одежда не помешает».

Я просунул правую руку в рукав военного пиджака. Левая очень болела, я не мог ей лишней раз пошевелить и решил, что полностью надену китель чуть позже, а пока просто нацепил его на плечо и застегнул на одну пуговицу, чтобы не сваливался. Провёл здоровой рукой по лицу и волосам, стряхивая липкие нити паутины и сухие веточки.

В просветах между дрожащими на слабом ветерке листьями виднелись вагоны, в окнах которых мелькали заспанные лица пассажиров. Лена уже захлопнула дверь, и теперь ничто не намекало на мой побег.

С той стороны насыпи всё ещё доносились звуки борьбы. Неожиданно оттуда раздался сухой хлопок, потом ещё один и ещё. Похоже, стреляли из пистолета.

Стараясь не задевать ветки, я развернулся и осторожно выглянул из кустов. Левее моего укрытия травянистый луг разливался вширь, как бескрайнее море. Там, вдали, почти на пределе видимости, проглядывали шиферные крыши какой-то деревеньки. Когда ветер менял направление, оттуда долетали отзвуки петушиных криков, собачьего лая и мычания коров, а в воздухе слабо пахло скотным двором.

Справа шумел листвой перелесок, в передний форпост которого я и угодил, спрыгнув с поезда. Извилистый клин луга отделял моё укрытие от лесного массива и уходил далеко на восток, где упирался в небольшое озерцо или болото. О наличии водоёма говорили хором дравшие горло лягушки. Их раскатистое кваканье, хоть и сильно приглушённое расстоянием, долетало до приютившего меня на время куста.

Летом светает быстро. Ещё недавно кругом была серая хмарь, а теперь на востоке заалела тонкая полоса, обещая скорое появление солнца. «Время делать ноги, – решил я, – если хочу незаметно скрыться из виду».

И только я собрался покинуть убежище, как в небе раздался нарастающий стрёкот и над горизонтом появился вертолёт. Боевая машина быстро приближалась. Вскоре я смог различить сверкание лопастей над вытянутым корпусом с подвешенными под короткими крыльями ракетными блоками.

Ми-24 целенаправленно летел к поезду, наклонив нос к земле, словно напавшая на след ищейка. В том, что его вызвали агенты, у меня не было никаких

сомнений. «Пора валить, пока не поздно!» – подумал я, всё больше напрягаясь от того, что происходило вокруг. Едва я выскочил из кустов, как сзади что-то грохнуло, раздались хлопки и над головой с жужжанием пронеслись пули. Некоторые из них вонзились в ствол выступавшей из пролеска берёзы, другие сорвали листву с соседнего с берёзой орешника и снесли верхушку приютившегося под ольхой муравейника.

Я повалился набок, перевернулся. Пока кувыркался, заметил открытую дверь вагона и агента с пистолетом в руках. Оружие снова гроыхнуло – и возле моей руки брызнул фонтанчик земли.

Я вскочил на ноги, живо помчался между тонких берёзок и осин. Прыткости мне добавляли гремевшие за спиной выстрелы и тупые удары свинцовых пчёл в стройные тела молодых деревьев.

Лесополоса быстро сменилась открытым пространством – метров сто в ширину. Я рванул со скоростью гепарда к зеленовшей впереди спасительной стене леса.

В этот миг ожившими драконами зарычали пулемёты винтокрыла. Видимо, лётчик получил наводку от агентов или просто оказался шибко сообразительным.

Пулевые дорожки гнались за мной, придавая дополнительное ускорение. «Если не сменить направление – я труп», – панически подумал я и тут же резко рванул в сторону. Нога запнулась о торчащий из земли корень – и вот я уже лечу к земле. Удар! Колено пронзила адская боль, ладони обожгло, словно я прижал их к кипящему котлу, в глазах заплясали кровавые круги.

По бокам от меня тяжёлые пули вонзились в землю, цепочка фонтанчиков из травы и почвы побежала дальше, пока не ворвалась в лес, с треском расщепляя стволы, с хрустом ломая ветки и срывая листву. Над головой с рокотом пролетел «двадцать четвёртый». Заложив вираж над «зелёнкой», воздухолёт пошёл на новый круг, а я, улучив момент, поковылял к спасительной чаще.

Меня подгоняли крики и одиночные выстрелы со стороны стальной магистрали. Я так боялся получить пулю в спину, что заставил себя не думать о боли в ноге и попытался бежать, но вскоре бросил эту затею: поле представляло собой смесь из травяных кочек и глубоких нор – этакое минное поле с нелетальными

«игрушками»: убить не убьют, но покалечат изрядно.

Сзади раздался пронзительный свист, сменившийся лязгом и грохотом. Я не оглядывался, но понял по нарастающему перестуку, что поезд тронулся с места. «Похоже, агенты отправились вместе с ним на запад. Неужели решили оставить меня в покое? Вряд ли! Скорее всего, не хотят марать руки или думают, что «вертушка» справится с этим быстрее и лучше», – пытался я осмыслить ситуацию.

Тем временем вертолёт завершил манёвр, и я физически ощутил холодный взгляд смерти. Я чувствовал, как острые носы неуправляемых ракет слепо смотрят мне в спину, а лётчик держит подрагивающий от возбуждения палец на кнопке гашетки.

Воздух позади меня задрожал от оглушительного рёва, с каким длинные серебристые жала вырвались из заточения. Я плюхнулся в траву, вжался в землю, хотел, как крот, зарыться в неё, но не успел: вздрогнувшая от громоподобных разрывов твердь подбросила меня, словно батут. Чуть позже сверху посыпались тяжёлые комья сырой почвы с торчащими в стороны пучками травы, мелкие камешки и принесённые некогда ветром из леса тонкие веточки.

Внезапно аванпост лесной опушки исказился, как будто я смотрел на деревья сквозь волны тёплого воздуха. Пара выпущенных вертолётном ракет попала в струящееся марево, по которому сразу пошли круги, будто от брошенного в воду камня. В следующую секунду произошло такое, что я, заматерелый атеист не помню в каком поколении, оптом помянул всех существовавших ранее и существующих ныне богов, демонов и прочих несусветных созданий. Ракеты на миг зависли в воздухе, а потом их отшвырнуло назад с такой силой, что вертолёт едва увернулся, когда два изогнувшихся саблей дымных следа перечеркнули небо в опасной близи от его бронированного носа.

Чудом избежав катастрофы, винтокрыл пустил наудачу несколько НУРСов – они улетели вглубь лесного массива, с грохотом разнеся в щепки несколько берёзок – и поспешил прочь из опасного квадрата.

Встречи бывают разные

Когда шум винта затих вдали, я выпрямился в полный рост, стряхнул налипшие на одежду травинки, поправил сползший с плеча китель и поковылял к лесу. К этому времени уже совсем рассвело, но солнце и не думало появляться из-за туч. Пасмурная погода мало способствовала хорошему настроению. К тому же противно ныло ушибленное колено и пульсировала боль в повреждённой руке. Несчастной конечности досталось второй раз подряд.

Вдруг в кустарнике рядом со мной что-то шумно зашевелилось, и я чуть не присвистнул от удивления, увидев вылезших из ольшаника парней: один – в разгрузочном жилете поверх затасканного камуфляжа натовского образца, другой – в длиннополном изодранном плаще с откиннутым назад капюшоном. Измождённые, с грязными руками и лицами, они походили на леших. Я, конечно, знал, что в Незалежной не всё в порядке, но чтобы вооружённые люди вот так запросто разгуливали по лесу... Всё-таки отсюда до Киева было не так далеко.

«Партизан» справа был ниже и шире в плечах, носил окладистую бороду и держал в руках старый «калашников» с перемотанными синей изолентой магазинами и треснувшим прикладом. Его сосед – длинный и худой, как каланча, – сжимал чумазыми ладонями немецкую штурмовую винтовку «Хеклер-Кох G-36» тоже не первой свежести.

С минуту мы пялились друг на друга. Они стояли не двигаясь метрах в десяти от меня, я тоже замер на месте, не понимая пока, как себя с ними вести. Потом худощавый удобнее перехватил штурмовую винтовку, прижал затыльник приклада к плечу и посмотрел на меня сквозь прорезь прицела.

– Ты кто такой?

– Журналист.

– Журнали-и-ист, – протянул он, глядя на меня, как на приведение, и сделал шаг назад. Бородач тоже немного попятился. – А ну, руку покажь!

– Чего? – не понял я.

– Руку покажь, говорю!

Я протянул здоровую руку, словно просил подаяние.

– Не эту, другую, ту, что под одеждой.

Я осторожно расстегнул пуговицу, здоровой рукой снял китель, бросил у ног.

– За нами охотился?! – сухо кашлянув, произнёс бородатый.

– Я тя щас, с-сука, ур-рою! – тощий лягнул затвором и положил палец на спусковой крючок.

Я уже приготовился получить пулю в лоб, как напарник длинного надавил потемневшей от грязи ладонью на ствол винтовки товарища:

– Не горячись, Шпала! Может, это не он. Вишь, с клешней всё в порядке. Вдруг это пацан из наших...

– Ага! А где волына, плащ, ну или кожанка, наконец? – нервно дёрнул щекой тощий.

– Так, эта, можа, пока мы здесь нычкуемся, у них там, – бородач неопределённо мотнул головой, – экипировка поменялась.

– Опять ты за своё, Байкер? – Тощий злобно чиркнул слюной сквозь зубы. – Нет уже наших, нет! Их вояки порешили, а тех, кто выжил, Зона прибрала.

Услышав знакомое слово, я напрягся, словно гончая, почуявшая зверя. Сразу мелькнула мысль, что никакие это не «правосеки», а просто двинутые на всю голову ребята, которые в детстве не наигрались в войнушку и казаков-разбойников, вот и добирают сейчас недополученные в раннем отрочестве эмоции, изображая из себя охотников за артефактами. «Интересно, что они собирают вместо них? – подумал я. – Коровьи лепёшки, комья земли, коряги или речные камушки?» А ещё мне стала понятна их реакция на «журналиста». В одной из книг серии «Сталкер» писали о некоем Журналисте – полумутанте-получеловеке. «Выходит, они меня всерьёз за этого монстра приняли, –

ухмыльнулся я про себя. – Ну точно по ним психушка плачет. М-дя! Интересно, а с каким игровым кланом эти парни себя ассоциируют? Судя по длиннополному плащу тощего, наверное, они – бандиты. Ладно, при случае узнаю, а пока надо поддержать светскую беседу, заодно и справки кое-какие наведу».

– Простите, э-э... Шпала. Вы сказали: зона? Какая зона? В смысле тюрьма или вы что-то другое имели в виду?

«Сталкеры» переглянулись. Потом Шпала вскинул винтовку, подошёл ко мне и резко, без замаха, врезал прикладом по лбу.

Когда я пришёл в себя, то понял, что нахожусь где-то глубоко в лесу, на небольшой поляне. Ветер плотным потоком гнал низко нависшие над землёй свинцовые облака. Столпившиеся на краю прогалины деревья громко шелестели мелкой, будто покрытой бронзовой краской листвой. В паре метров от меня потрескивал костёр, над ним, уцепившись почерневшим от копоти крюком за самодельную треногу, висел старый котелок. В нём что-то булькало, исходя паром, – судя по запаху – чай.

В разрыве между набрякших туч на краткий миг появилось солнце. «Ещё не в зените, но уже близко к тому. – Я пытался осмыслить положение, в котором оказался. – Что ж, хотя бы со временем определился. Получается, я провалялся без сознания почти семь часов. Хорошо меня приложили: как бы после такого удара сотрясения мозга не было».

Я скосил глаза в сторону, пытаюсь разглядеть похитителей. А что? Всё надо называть своими именами. Кто они такие после этого? Хорошо хоть не убийцы. Современная история знает немало случаев, когда, наигравшись до одури и не сумев отличить реал от вирта, сопливые подростки брали в руки оружие и выходили на улицы стрелять в ни в чём не повинных граждан, приняв их за зомбяков, пришельцев или порождения ада, коими кишат разнообразные шутеры.

«Чёрт! Ничего не видно! Не мог этот куст папоротника вырасти в другом месте? – злился я. – Весь вид закрывает. Ладно, попробую чуть приподнять голову».

На этот раз попытка увенчалась успехом. Почти на самом краю полянки сидел на берёзовом пенёчке Байкер и что-то искал в потрёпанном рюкзаке. Его напарник, присев на корточки в полуметре от приятеля, копался в моём планшете, что-то бормоча себе под нос. Слов разобрать не удалось, но, похоже, их и не было: одни междометия и редкие восклицания.

Байкер вынул из рюкзака узкий металлический контейнер: сантиметров пятнадцать в длину, с застёжками по бокам и двумя овальными проволочными петлями под ремень на длинной стороне короба. Щёлкнул замками, приоткрыл крышку. В образовавшейся щели появилось слабое свечение, как будто в ящике притаилось множество светлячков. Бородатый открыл жестяную коробочку полностью. Выплеснувшийся оттуда свет отбросил резкие тени на его смуглое лицо, глаза потемнели и словно ввалились, щёки осунулись, а борода словно стала ещё длиннее и гуще.

Старший – для себя я решил, что главным и по возрасту, и по званию, если они у них есть, в этой компании был Байкер – сунул руку в ящик и вытащил на свет предмет, очень похожий на свернувшегося в клубок ежа. От колючего шара исходило ровное зеленоватое свечение.

Я слегка приподнялся, чтобы лучше разглядеть невиданную штуковину и случайно надавил локтем на так некстати подвернувшийся сучок.

Хрустнуло.

Бородатый сразу спрятал таинственную вещицу в ящик, громко при этом хлопнув крышкой.

– Эй, Шпала, наш гость очнулся.

Тощий резво поднялся на ноги и в два счёта оказался рядом со мной.

– Откуда у тебя это? – Он сунул планшет мне под нос.

Я свёл глаза к переносице, пытаюсь разглядеть выведенную на экран картинку. Получалось не очень: глаза слезились, поэтому изображение расплылось в бесформенное цветное пятно. Я немного отодвинулся назад – стало чуть лучше.

– Слушай, отодвинь планшет подальше, я вроде не слепой, нормально вижу на расстоянии.

– А я почём знаю: слепой ты или нет, – злобно рыкнул Шпала, но гаджет всё-таки отодвинул.

– Ну вот, – буркнул я, – другое де... – Я не закончил фразу, поскольку чуть не откусил себе язык.

На экране серела громада саркофага четвёртого реактора ЧАЭС. Над пробоиной в куполе, откуда вырывались рыжие языки пламени, словно выставленный в неприличном жесте палец застыла красно-белая труба. Строительный кран, удерживаемый растяжками тросов, замер навеки возле бетонной коробки энергоблока. Неподалеку от него ржавел ещё один – поменьше. Чуть в стороне, в окружении островков чахлой травы, разбитыми фарами пялился на мир бульдозер с пятнами оранжевой краски на покорёженном металле. Рядом с ним гнили два облезлых строительных вагончика на колёсах с рваными пробоинами пулевых отверстий. Резина давно уже превратилась в лохмотья, а сами колёса наполовину вросли в землю. На переднем плане, у самого края экрана, высился обгоревший остов вертолёта (осколки остекления кокпита торчат угрожающим оскалом, лопасти погнуты, в турбине зияет огромная дыра). Унылости картине добавляли мёртвые деревья, промозглое небо цвета сырого асфальта и нити холодного дождя, что исступлённо лупили по молчаливым памятникам техногенной катастрофы и рисовали аккуратные круги в больших и маленьких лужах.

На пробоину указывала нарисованная от руки белая стрелка с корявой надписью над ней «Монумент». А ещё некоторые места крыши и стен саркофага и технического здания четвёртого энергоблока были несколько раз жирно обведены красным. Рядом с этими пометками стояли цифры и буквенные обозначения.

– Я ещё раз спрашиваю: где ты взял это? – потрянул планшетом Шпала. – Ну ладно, я догадываюсь, где ты мог разжиться картами. – Говоря это, он водил пальцем по экрану, листая скриншоты с локациями игры. – Хотя уж больно подробно они составлены: с указанием сталкерских нычек, форпостов «Борга», лагерей «Воли» и других группировок, даже координаты торговцев указаны. Но где ты взял фотографию Саркофага? Насколько я знаю, туда никто из вольных и клановцев не доходил.

– А как же Семецкий, Болотный Лекарь, Краплёный, наконец? – подал голос подтянувшийся ближе Байкер. Он заглянул через плечо приятеля и, сосредоточенно сопя, рассматривал картинки.

Шпала сморщился, будто откусил лимон:

– Ты веришь в байки бродяг? Слушай их больше, они тебе ещё не такое наплетут. Нет Монумента, нет Разрушителя мозгов, ничего нет! – крикнул он и нервно задышал носом.

– Ага! – усмехнулся коренастый. – А как же толпы зомби в окрестностях «Дуги»? Или это сталкеры от радиации с ума посходили?

Шпала сдавленно крякнул.

Я обалдело переводил взгляд с одного придурка на другого и не знал: восхищаться их самоотверженной погружённостью в игру или же просто пожалеть недоумков и не обращать внимания на столь явный сдвиг по фазе. Я, конечно, встречал откровенно повёрнутых на чём-то и почти полностью безбашенных людей, но даже у них бывали моменты просветления. А у этих, похоже, совсем мозги перегорели на любви к «Сталкеру». Что ж, флаг им в руки, лишь бы другим жить не мешали. Мне, например.

– Ты, ваще, кто такой будешь? – спросил Шпала. Открыв рот, он ковырнул грязным пальцем в носу, придирчиво глянул на извлечённое оттуда содержимое и щелчком отправил его в скрежещущий жёсткими, будто вырезанными из жести, листьями низкорослый кустарник.

– Так я ж говорю: журналист. Специально сюда приехал...

На руке Байкера пискнул какой-то прибор. Он поддёрнул рукав плаща, глянул на дисплей устройства.

– Эй, Шпала, сообщение с Кладбища машин пришло: там Кореец реальным пацанам бока помял и скрылся. Кабан пишет: Йога в этот раз Кореяца в поле аномалий загнал, пять раз в него выстрелил, а тому хоть бы хны – ушёл через цепь «разрядников», мимо «вороньей круговерти» и «гравиконцентра». И

ничего этого перца не берёт: ни пули, ни аномалии, ни радиация. Говорят, он сердце альфа-пса сожрал, когда этой твари башку голыми руками свернул – вот с тех пор и стал неуязвимым.

– Тьфу ты, – плюнул под ноги Шпала. – Тебе не надоело хрень всякую нести? Наслушается бредней одиночек, а потом и мне мозг этой галиматьёй выносит. Иди, вон, лучше чаем займись! – прикрикнул он на спутника.

Бородатый опустил обшлаг рукава и поплёлся к костру.

«Ого! Оказывается, я был не прав. Это Шпала здесь всем заправляет...»

– Чардаш написал: гон мутантов начался, не иначе выброс будет, – буркнул Байкер, снимая котёл с треноги. – Надеюсь, это ты хренью не назовешь?

Шпала скорчил злобную физиономию, но быстро взял себя в руки.

– Чай будешь? – спросил он меня почти дружелюбным тоном. Видимо, решил включить добрячка, чтобы выяснить, откуда у меня снимки реактора и столь подробные «карты» местности.

Я согласился. Давно уже ничего путного не ел. Чай, конечно, не еда, но уж лучше горячий напиток, чем вообще ничего.

Но всё оказалось гораздо лучше. У Байкера в рюкзаке, помимо странного контейнера, завалился холщовый мешок с буханкой чёрного хлеба и банкой мясных консервов. Шустро орудуя ножом, он вскрыл жестянку с тушёнкой (воздух сразу наполнился умопомрачительным запахом, на что мой желудок ответил долгим урчанием), накромсал толстыми ломтями хлебный кирпич. Цепляя кончиком лезвия расползающиеся на волокна крупные куски мяса, Байкер наделал бутерброды, по два на каждого, обтёр клинок о штанину, сунул его в притороченные к разгрузке самодельные ножны из грубой кожи.

«Не иначе из шкуры мутанта сделал. – Я криво усмехнулся своим мыслям. – Быстро же я принял условия чужой игры. А что здесь такого? Как пел известный бард: «Пить так пить, гулять так гулять!» Хотя в моём случае правильнее будет: играть так играть».

Пока Байкер возился с обедом, Шпала спросил меня тихим шёпотом:

– Слышь, Журналист, а ты реально дошёл до ЧАЭС и видел там Монумент или это всё байки?

Я подумал: «Пацанам, по ходу, надоело просто так по полям бегать, захотелось немного скучный сценарий разнообразить. Ладно, пока это в моих интересах, помогу, ну а потом уж не обессудьте, господа хорошие, – разойдутся наши путидороженьки – уйду по-английски, не попрощавшись, и ничего вы со мной не сделаете».

– Дошёл, но не видел, – в том же духе ответил я. – В прошлый раз не получилось: фанатики да монстры помешали, еле ноги унёс. Теперь вот думаю снова туда отправиться. Если хочешь, айда со мной.

Шпала потёр переносицу, наморщив лоб, поскрёб грязными пальцами щетину на подбородке.

– Я бы не прочь, да вот снаряга у меня... – Он тяжело вздохнул, мотая головой (до чего натурально в роль вжился, паршивец, как будто всамделишный сталкер, а не любитель подвижных игр на свежем воздухе). – КПК уже вторую неделю херовничает, гевер вот на ладан дышит, – кивок в сторону приставленного к ноге оружия, – да и броника нет, а без него нормальному пацану в центре Зоны делать нечего.

Мы помолчали, слушая, как Байкер стучит ложкой, помешивая чай в кружках.

– А может, ты в этих штуках разбираешься, а? – Шпала поддёрнул рукав потёртого кожаного плаща, оголяя треснувший и потемневший в правом нижнем углу экран наладонника.

Я чуть не присвистнул, увидев гаджет на запястье длинного: «Ничё так ребята подготовились, серьёзно к делу подошли: проги специальные для маршрутизаторов написали. Здесь тебе и датчик жизненных форм, и счётчик Гейгера потрескивает, и карты “Зоны” имеются, и диктофон, и рация, чтоб со своими при случае поговорить. Молодцы!»

Я почувствовал, как постепенно проникаюсь всё большим уважением к ярым фанатам и поклонникам игры, не жалеющим свободного времени и сил ради полного погружения в выдуманный мир. «Жаль, слишком поздно я понял, какой это кайф. Столько лет я почти безвылазно провёл в городских джунглях, перемещаясь из ночных клубов домой, а оттуда на работу. Здесь же такой драйв, такой выброс адреналина, если поверить в реальность происходящего. А ведь, по сути, это тот же туристический поход, – думал я, – только с примесью какого-то первобытного азарта, ну и пострелять можно. А как же без этого? Хоть по банкам, хоть по воронам. Просто так с собой оружие таскать, что ли?»

Я только собрался ответить Шпале, что ни бельмеса не смыслю в электронике, как в разговор вклинился бородатый, приглашая всех на обед.

– Потом поговорим, – шепнул тощий, одёргивая рукав.

Мы подоברались ближе к потрескивающему костру, от которого волнами расходилось тепло. Хоть и лето стояло на улице, в лесу было довольно прохладно и промозгло. К тому же с неба заморосил мелкий дождик, больше похожий на водяную взвесь.

Шпала поёжился, обнимая горячую кружку грязными ладонями.

– Лишь бы ливень не сыпанул. – Он, прищурившись, глянул на плывущие по хмурому небу лохматые тучи.

– Сильного дождя не будет, а эта морось не страшна, – сказал Байкер, жуя хлеб с тушёной. – Журналисту вот только хреново: в одной рубашке по Зоне гуляет. Хотя чего ему будет после Монумента-то. – Он подмигнул мне левым глазом и громко отхлебнул из исходящей паром кружки. – Болотный Лекарь, говорят, с тех пор, как в Саркофаге побывал, даже выброса не боится. Все твари в это время в подземельях да развалинах прячутся, а он, наоборот, в самый эпицентр лезет. Болтают, что он так аномальной энергией подпитывается, чтобы потом монстрами да зомби управлять.

– Хорош нам байки пересказывать, – скукожил физиономию Шпала. – Дай лучше ещё один бутерброд.

Байкер посмотрел на приятеля, хмыкнул, протянул ему кусок хлеба с тушёной.

– Вот ты, Шпала, вечно всем недоволен, ругаешься, когда я тебе истории разные о мутнях да сталкерах рассказываю, называешь это бреднями, а сам мечтаешь до Монумента добраться. Непорядок. Зона такого обмана не прощает.

– Заткнись! – крикнул, побагровев, Шпала. – Много ты понимаешь, дубина! Я, может, таким способом Тёмного Сталкера от нас отгоняю!

– Зря ты эту игру затеял, Шпала, ох, чую, зря, – покачал головой бородатый.

Я хотел было встать на защиту длинного, дескать, есть в его действиях резон. Недаром в древние времена вместо настоящего имени зверя употребляли прозвище «медведь», когда собирались на него поохотиться или просто к слову приходилось. Но меня перебил тоскливый протяжный вой. Звук шёл откуда-то с востока.

Байкер сразу отбросил кружку с недопитым чаем, которая откатилась в сторону, разлив содержимое на жёсткую траву, схватил свой старый «калашников», вскочил на ноги. Прижал перемотанный изолентой приклад к плечу, прищурил левый глаз и чуть согнул указательный палец, выбирая слабинку спускового крючка.

Шпала тоже вооружился. Держа немецкую штурм-винтовку в правой руке, он махнул левой, чтобы одёрнуть рукав, и посмотрел на экран ПДА.

– Стая «слепышей». Пятьдесят метров отсюда, – сообщил он сухим голосом.

– Отобьёмся, – кивнул бородатый, – лишь бы альфа-пса с ними не было. На-ка, держи. – Он вскинул ствол «калаша» к небу, расстегнул свободной рукой три верхние пуговицы своей камуфляжной куртки, сунул руку за отворот и вытащил из наплечной кобуры потёртый ПМ.

Я взял пистолет – корпус затвора поцарапан, с правой стороны рукоятки пластиковая накладка отломана до звезды, ребристая насечка курка наполовину стёрта, – ощутил приятную тяжесть в руке и весь напрягся в ожидании. В голову одна за другой лезли всякие мысли: «Патроны у ребят холостые или они резиновыми пулями стреляют, а может, у них для таких случаев транквилизаторы имеются? Что за собаки здесь бродят? Из соседней деревни

или настоящая стая одичавших псов?»

Ответов на вопросы ждать долго не пришлось. Собачий вой нарастал. Меньше чем через минуту на поляну выскочило с десяток тварей. Тощие, облезлые, в основном коричневого и чёрного окраса, только у одного шкура была грязно-белого цвета, да позади плёлся, приволакивая заднюю лапу, рыжий пёс с широкими полосами подпалин на боку. Что-то в этих псинах мне показалось странным. Пригляделся. Точно – вместо глаз у них были гноящиеся бельма. «Что за фигня? – остолбенел я. – Они тут – мля! – совсем охренели, что ли? Для полного антуража несчастных собачек ослепили! Сколько ж денег они в это вбухали? Зачем? Неужели какое-то реалити-шоу снимают? Тоже мне – “Голодные игры”. Тьфу! Недоноски! Гады! Уроды!»

Поток моих гневных мыслей оборвал треск короткой очереди слева – Байкер подстрелил чёрного кобеля. И сразу заговорила немецкая штурмовая машинка Шпалы. Тот тоже сопли попусту не жевал: перебил прицельным выстрелом хребет и левую переднюю лапу длинномордой суки с обвислыми ушами и тощим хвостом.

И тут началось. Свора бросилась на нас со всех сторон. Я только успевал уворачиваться от лязгающих зубами, рычащих, скулящих и воющих морд. Пистолет в моих руках сухо щёлкал. Треть пуль ушла в «молоко», зато большая часть – это я точно могу сказать – попала в обтянутые кожей тела, костлявые лапы, а одна угодила в оскал подскочившей сбоку твари, вышибив ей зубы вместе с мозгами.

Отбиваясь от слепых бестий, я не заметил, как раненный Байкером пёс подполз ко мне сзади. И только он собрался впиться мне в икру жёлтыми клыками, как свинцовый гостинец Шпалы навсегда пригвоздил его к побуревшей земле.

Я отвесил спасителю кивок. Шпала ответил тем же и врезал прикладом по мокрому носу прыгнувшей на него твари. Псина с воем шмякнулась на притоптанную траву и, скуля, поползла под ближайший кустлизывать раны.

К тому времени от десятка собак осталось меньше половины. Грязно-белый кобель, до этого прятавшийся за спины сородичей, с рыком кинулся на меня, выскочив откуда-то сбоку. Услышав предупредительный окрик Байкера, я резко повернулся, выбросил руку с пистолетом вперёд, нажал на спусковой крючок.

Осечка!

Пёс ударил меня лапами в грудь (воздух с шумом вышел из моих лёгких), повалил на землю, норовя впиться зубами в горло. Задыхаясь от зловония, я всунул в пасть твари ПМ. С криком дёргая спусковой крючок, я другой рукой оттягивал голову псины за ухо. Клыки лязгали по затворной раме, оставляя на ней глубокие царапины, жёлтая, липкая слюна стекала по стволу. Я чувствовал, как она разъедает мелкие царапины на коже, словно мою руку, сжимающую пистолет, покроем бритвой и опустили в соль.

Дёргая головой, кобель пытался вырвать оружие из моих скрючившихся на рукоятке пальцев. Я же всё норовил спустить курок, хотя давно уже понял, что осечки не было. Просто кончились патроны. Казалось бы, всего делов-то – поменять обойму и выпустить все восемь пуль в слепую башку. Легко, если ствол не зажат в зубах голодной твари, а руки не заняты спасением собственного горла от острых клыков.

К счастью, Байкер длинной очередью прошил наискось последнюю прыгнувшую на него суку, увернулся от пролетевшего в опасной близости уже бездыханного тела и выпустил остатки обоймы в придавившего меня кобеля.

Пёс, пронзительно скуля и подвывая, задёргался от ужаливших его пуль.

Я скинул разом потяжелевшую и обмякшую тушу, перевернулся на живот, встал на ноги, сжимая бесполезный пистолет в руке. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: «макарову» пришёл конец. Зубы чудовища так искромсали затвор, что он теперь вряд ли сможет свободно скользить по раме. Я решил проверить догадку. Мои опасения подтвердились: заклинило намертво. После чего мне оставалось только зашвырнуть бесполезное уже железо в кусты. Сделав это, я повернулся к напарникам.

«Ну и видок!» – ошалело подумал я. У Байкера камуфляж был весь покрыт бурыми и сероватыми пятнами – видно, собачки хорошо мозгами раскинули, – левая штанина от колена до края берца порвана, правая заляпана чем-то чёрным (кто-то из псин обгадился, что ли?). У Шпалы плащ от пояса был располосован на широкие ленты, лицо и руки – в красных крапинах, словно парень ветрянкой или оспой болеет. Наверное, я выглядел не лучше.

Переглянулись. Первым не выдержал и прыснул Байкер, потом Шпала заржал, а там и я подключился. Стоим, значит, как три придурка, и гогочем во всё горло. Шпала – спиной к тощим осинкам. Вдруг деревца зашевелились, да не все, от макушки до корня, а только средняя часть, будто Хищник из голливудского фильма крадётся.

Я хохотом подавился, глядя на такие спецэффекты. «Во, – думаю, – до чего у них техника дошла: полный эффект присутствия, стопроцентное погружение в предложенную реальность. Это ж какие бабосы рубить можно, если поставить фанатские развлечения на коммерческий поток. Да на фига мне сдалась должность главного редактора, когда тут такие перспективы рисуются. Так! Надо срочно выйти на руководителя этого шоу, предложить посильное участие, спонсоров богатых пообещать. Братков можно подключить, с долгами в срок всё равно не рассчитаться – когда ещё отсюда выберусь? – так хоть долю в проекте им посулить. И сразу договориться о разделе прибыли. Договор там составить, оформить юридически, чтоб всё чин по чину, как полагается».

В следующую секунду воздух сотряс оглушительный рык. За спиной Шпалы проявилась двухметровая тёмно-красная тварь с зеленоватым отливом, сутулая, с мускулистыми конечностями и четырьмя щупальцами вместо рта. Обвив пупырчатыми отростками шею жертвы, монстр схватил Шпалу когтистыми лапами и, прикрываясь им, как живым щитом, бросился обратно в лес. Через несколько метров он снова перешёл в режим невидимости, отчего казалось, будто Шпала, крича и дёргая ногами, летит по воздуху спиной вперёд.

Я дико заорал от страха и неожиданности, а Байкер вскинул автомат к плечу и выпустил короткую очередь вдогонку.

На груди и на лбу его напарника появились аккуратные красные дырочки.

– Чтоб не мучился, – тихо сказал бородатый, забрасывая «калаш» на плечо и не глядя больше в сторону мелькающего между деревьев обмякшего тела.

– Кто? – спросил я, нервно подрагивая и чувствуя, как противно намокли подмышки.

– Шпала, не сушильщик же! – грубо рявкнул Байкер. Он подошёл к своему рюкзаку, накинул клапан, вдел весьма потёртые кожаные ремешки в стальные

кольца держателя, затянул. Забросил за спину, попрыгал, подёргал лямки, равномерно распределяя груз. – Эх, жаль, ствол у Шпалы остался. С одним «калашом» много не навоюешь. – Он провёл заскорузлыми пальцами по чёрным с пробивающейся сединой волосам. – Ну, чего встал? Бери его рюкзак, и потопали. К вечеру надо до схрона добраться, а то выброс скоро, да и ночью только дурак будет по Зоне шляться.

Я чуть не заскулил от сковавшего душу ужаса, когда в полной мере осознал, что это всё не постановка, не игра для пресыщенных обычной жизнью людей, а самая настоящая Зона, где всё происходит взаправду. Здесь каждый мой шаг мог стать последним, здесь бродило столько желающих попробовать меня на зубок, что только успевай уворачиваться и менять пустеющие с немыслимой скоростью магазины.

Глава 4

Знакомство с Зоной

Байкер вёл меня одному ему известными тропами, то углубляясь в лиственный лес, то почти выходя к его окраине. Я понимал это, когда видел в просветах между деревьев жёлтые от пожухлой травы холмистые равнины. Иногда на вершинах холмов виднелись развалины строений с ржавеющими подле них скелетами тракторов и машин.

В один из таких визитов на опушку вдали показалась деревенька в десять дворов. Дома с покосившимися крышами глазели на мир чёрными провалами выбитых окон. Сорванные с петель двери валялись рядом с развалившимся крыльцом или стояли, прислонившись к чёрным бревенчатым стенам с пятнами мха (а может, лишайника – чёрт его знает) ядовитой расцветки. Рыжая от ржавчины водонапорная башня, похожая на немецкую гранату, возвышалась на отшибе в окружении повалившихся в разные стороны бетонных столбов. Когда-то её огораживал забор, но теперь доски прогнили, и ничто уже не мешало подойти к башне и подняться по приваренной сбоку лесенке на самый верх. Оттуда наверняка открывался прекрасный вид на километры вокруг. Я предложил провожатому глянуть на мир с высоты птичьего полёта, но тот как-то странно посмотрел на деревеньку, что-то неразборчиво пробормотал и быстро-

быстро потопал вглубь леса.

Я задержался на мгновение. Уж очень мне хотелось побродить по заброшенным жилищам – было в них что-то такое манящее, притягательное, романтикой овеянное: скрипящие под ногами подгнившие половицы, свистящий ветер, заглядывающий в окна, потрескивающие разохшиеся от жары и дождей брёвна, перешёптывающиеся между собой, словно призраки, – жуть, да и только.

А ещё в заброшенных домах иногда встречаются такие вещи, за которые чокнутые на всю голову коллекционеры готовы целое состояние отвалить. Помню, я в старших классах отправился с друзьями в поход в подмосковные леса. Набредли мы на такую вот покинутую деревеньку. Окна досками не заколочены, двери тоже. В домах утварь всякая, словно люди здесь жили-жили, а потом разом ушли и скарб свой, непосильным трудом нажитый, оставили. Вот мы тогда поживились, одних старинных икон (редчайших!) штук двадцать вывезли. Бабла срубили – ой-ёй! Три месяца потом, как заправские гуляки, с девчонками из кафешек да клубов не вылезали.

Лишь спустя восемь лет я узнал, что нам в тот раз жутко повезло, ведь мы забрели в самый центр очага биологического поражения. Деревня та находилась вблизи советского ещё скотомогильника. Что-то там было связано с грунтовыми водами: то ли сквозь трещины в бетонных стенах отравка просочилась в насыщенную влагой почву и попала в водоносный горизонт, то ли подземная река размывала захоронение. Короче, из-за этой экологической катастрофы всех срочно эвакуировали, а оцепление поставить забыли или не успели. А мы, дураки, в самый эпицентр залезли и радовались свалившейся с неба удаче. А я ведь хотел ещё водицы колодезной испить, да что-то остановило меня, будто кто-то на ухо шепнул: не надо, мол, не делай этого. Козлёночком станешь, ага!

Пока я созерцал местные красоты, Байкер порядочно удалился от опушки. Его камуфляжная куртка мелькала среди искривлённых стволов, почти сливаясь с ними: если бы не треск сучков и шорох травы, и не скажешь, что вон за той осинкой бредёт человек.

Я собрался уже двинуть за ним, как вдруг моё внимание привлекло какое-то движение возле водонапорной башни. Приглядевшись, я увидел вышедшего из кустов матёрого мутохряка, примерно с метр в холке. Щурясь подслеповатыми глазками и приподняв голову, зверь хрипло дышал, шумно втягивая воздух

морщинистым пятакон размером с кукольное блюдце. При этом он нервно прыдал ушами, переступал передними копытами, под которыми уже образовалась небольшая ложбинка. Повернувшись в мою сторону, боров застыл на мгновение. Он даже перестал издавать хрюкающие звуки и, кажется, на миг затаил дыхание. Или это я прекратил дышать, боясь обратить на себя его внимание?

Какое-то время мы, не шевелясь, смотрели друг на друга, пока тварь не повернула голову в сторону ближайшего дома (если, конечно, полусгнивший сруб с провалившейся внутрь крышей можно так назвать). Оттуда донеслись шорохи, а спустя мгновение из бывшего некогда окном неровного провала вылетел крупный обломок бревна. Почти сразу за ним ещё один кусок старого дерева ударил в бок взревевшего мутанта. Монстр развернулся в сторону обидчика, хотя там, кроме груды трупелых брёвен, никого не было, взрыл копытами землю и с каким-то не то визгом, не то воем ринулся в бой. Преодолев с десятков метров в пару-тройку прыжков, зверь на ходу увернулся от летевшего прямо в него крупного куска печной кладки и скрылся в развалинах. Оттуда сразу донеслись звуки нешуточной драки: кабаньи хрипы, глухие шлепки тяжёлых ударов и шумные всхлипы, будто кто-то бил веслом по воде.

Мне очень хотелось дождаться конца схватки и посмотреть, кто одержит победу, но поскольку Байкер и так почти скрылся из виду, я бросился за ним вдогонку. Перспектива остаться с Зоной один на один без оружия и опыта выживания в экстремальных условиях меня нисколько не радовала.

Пока мы с хряком играли в гляделки, меня посетила интересная мысль: вдруг мой отец тогда, в восемьдесят шестом, как и я сейчас, неким образом перенёсся в параллельную реальность? В том, что это место не имело ничего общего с моей действительностью, с моей родной Землёй, я уже нисколько не сомневался. А это значило, что у меня появился пусть и призрачный, но всё же шанс отыскать его и попробовать вместе с ним вернуться домой.

Потрясение от ужасной смерти Шпалы уже прошло. Я снова вернулся к идее сафари-парка для богачей, но потом решил, что зарабатывать на одних лишь толстосумах – несерьёзно. «Надо использовать по полной возможности Зоны и за приемлемую плату проводить курсы начинающих сталкеров. Есть желание остаться тут – пожалуйста, броди, исследуй Зону, собирай артефакты, но и барышом с хабара делиться не забывай, – размышлял я. – На одних только процентах с таких вот бродяг на родной матушке Земле через пару лет можно

подняться на первые строчки в рейтинге “Форбс”. А если удастся внедрить артефакты в производственные циклы земной промышленности, то всякие там Ротшильды и Рокфеллеры от злобы и зависти не то что удавятся, горло себе перегрызут».

Я так размечтался, что не заметил, как нагнал Байкера, и с ходу налетел на него. Он стоял, замерев как истукан, в метре от огромной проплешины чёрной земли, будто вдавленной в окружающий ландшафт. Со всех сторон от этого места растительность выглядела неприятно – трава хилая, жухлая, деревья – сплошь рахитичные уродцы, по сравнению с которыми карельская берёза – писаная красавица, – но она всё же была. Зато в центре, кроме скелета с обрывками защитного комбинезона на побелевших костях, заржавленного «калаша» и чёрной пыли, совсем ничего не было. Кроме того, трава и деревья как будто пытались отползти от пустоши: стволы и стебли стелились по земле прочь от гиблого места.

– Тихо ты! – прикрикнул Байкер, повернув ко мне голову. – Смотри, куда прёшь! Я из-за тебя чуть в аномалию не вляпался. Это Зона, здесь каждый шаг может стать последним.

Он со свистом, будто сдувшийся шарик, выпустил из груди воздух и, не сводя глаз с тёмного пятна на земле, осторожно попятился.

Я сдвинулся на шаг в сторону, чтобы не стоять у провожатого на пути, и случайно наступил на сучок, громко хрустнувший под ногой.

Байкер косо посмотрел на меня, отошёл от аномалии на безопасное, по его мнению, расстояние, опустил ствол автомата к земле и мазнул грубой ладонью по широкому лбу, смахивая пот.

– Слышь, Журналист, ты, эта, ёксель-моксель, заканчивай по Зоне, как по парку, гулять. Тебе, может, и пофигу после всех твоих приключений, а я, блин, ещё жить хочу. Я не Семяцкий, снова не воскресну. Чё ты ведешь себя как распоследняя отмычка, в самом деле? Вроде опытный мужик, знать должен, что к чему. – Лицо Байкера вдруг посуровело, брови грозно сдвинулись к переносице. – Или ты обмануть меня решил? Пришёл сюда незнамо откуда, назвался чужим именем, порядочного сталкера за нос водишь. За чужим хабаром охотишься? – Он вскинул «калаш». – Отвечай, мля, пока я из тебя

дуршлаг не сделал!

Я отступил вбок, выставив левую руку перед собой. В правой, прижав её к телу, я держал сумку с планшетом.

– Эй, Байкер, ты чего? Не нужен мне твой хабар! Да я бы тебе свой отдал без сожаления, если б он у меня был. Хочешь, планшетник возьми. – Я протянул чехол с гаджетом Байкеру, но сталкер даже не взглянул на него.

– Заболтать меня пытаешься? Не выйдет!

Глаза его сузились, превратившись в щёлочки. Он передёрнул затвор, крепче сжал потёртое, покрытое глубокими царапинами цевье автомата. Заскорузлый палец с заусенцами у обкусанного, грязного ногтя дрогнул на спусковом крючке.

– Байкер! Байкер! Очнись! Это же я, журналист! – крикнул я, пятясь от обезумевшего спутника, но тот, словно хищник на охоте, хотел уже только одного: крови.

Наверное, на этом моё путешествие по Зоне и закончилось бы, если б не случайность. Ох уж эти случайности! Так и норовят в любой момент подвернуться под руку или под ногу, как в этот раз. Пятясь, я оступился и угодил в поросшую мхом ямку. Под слоем мягкого зелёного ковра скрывался ствол поваленной осинки. Судя по тому, что он выдержал мой вес, дерево упало не так давно. Толстая шуба мха под моей ногой соскользнула с влажной, лишённой коры древесины. Я взмахнул руками и с удивлённым воплем хлопнулся на пятую точку чуть раньше, чем Байкер успел спустить курок.

«Калаш» выплюнул короткую очередь, поперхнулся дефектным патроном и замолк. Сталкер злобно зарычал, прижал приклад автомата к животу и резко ударил согнутой ладонью по рукоятке затворной рамы.

Пока он пытался извлечь заклинивший боеприпас, я встал на ноги. Хотел было броситься на Байкера и обезоружить его, но тут из обвитых плющом кустов вылезла уродливая тварь на четырёх, будто взятых у насекомого, конечностях. Острые трёхгранные копыта напоминали наконечники копий как по виду, так и по отметинам, оставленным ими на земле, а костяные зазубрины на тыльных сторонах этих мутоног могли разрезать зазевавшегося сталкера или другого

мутанта не хуже острой пилы. Шея у твари отсутствовала напрочь, большая голова с отдалённо напоминающей человеческое лицо мордой выростала прямо из покрытого лишаями и язвами бочкообразного тела. Три разноразмерных глаза (два по бокам от треугольного носа, третий ближе к затылку тонкокожей перепонкой ушному отверстию) вращались в разных направлениях. Вместе с тем, могу поручиться, пучеглазка (а я сразу определил, что это за мутант!) смотрела именно на сражающегося с заклинившим автоматом сталкера.

Быстро перебирая лапами, тварь с отвратительным воплем бросилась на человека. За ней из соседнего кустарника выскочили две товарки. Хрипло хоркая и выбрасывая из-под видоизменённых копыт пучки травы с клочьями мха, они ринулись ей на подмогу.

Байкер сразу перехватил автомат за ствол и стал отмахиваться «калашом», как дубиной. Перемотанный синей изоляцией приклад с громким треском разлетелся на куски, когда с размаху врезался в лысую башку ближайшей твари.

Мутосвинья пронзительно взвизгнула, присев на задние конечности, но уже в следующий миг тряхнула головой, на которой моментально покраснел отпечаток удара, и снова кинулась в атаку.

Её подельницы бросились на Байкера с флангов. Одна из тварей вцепилась ему в ботинок, другая хотела цапнуть за бедро, но сталкер ухитрился так впечатать ей каблуком в самый большой глаз, что оттуда во все стороны брызнула мутная жижа.

С истерическим визгом пучеглазка отскочила от обидчика и чуть не села на меня толстыми, покрытыми струпьями «булками», над которыми торчал сухой, как арбузный черешок, хвостик.

Я оттолкнул свиной курдюк свободной рукой, схватил сумку с планшетом за ремень и со всей дури огрел ей мутанта по голове. Пучеглазка заверещала и рванулась вперёд. Тут бы мне оставить её в покое и переключиться на другую мутосвинью, но я поймал уродину за ногу, продолжая дубасить мерзавку почём зря. Мини-комп в сумке давно уже превратился в хлам (судя по треску и хрусту во время каждого удара), а я всё лупил и лупил бестию по спине и бокам. Мутант ревел благим матом, иногда издавая такие звуки, словно где-то стравливали избыточное давление, отчаянно лягался и вонзал острые концы передних копыт в землю, пытаясь вырваться из ловушки.

К тому времени Байкер ухитрился по самое цевьё засадить автоматный ствол в глаз одной из трёх подружек. Видимо, железо добралось до мозга, потому как тварь неподвижно лежала неопрятного цвета кучей возле похожего на берёзу дерева с чёрными, скрученными в спираль листьями. Уродливые шрамы на грубой коре ясно указывали на то, что это растение облюбовал какой-то хищник: похоже, древесный ствол служил ему когтеточкой, и если судить по тому, как высоко эти царапины находились, животное превосходило размерами крупного дога, а эти собачки, когда стоят на задних лапах, ростом с человека будут.

Ещё с одной пучеглазкой сталкер бился уже на кулаках. Вернее, это он ей отвешивал тумачи, а она, то пятась, то отскакивая в стороны, пыталась проткнуть его похожими на зазубренные гарпуны передними копытами. Ослепшая на один глаз, мутировавшая животина не могла нормально скоординировать движения: уцелевшее око было довольно маленьким, а третья гляделка, похоже, предназначалась не для зрения, а для каких-то других функций. Поэтому тварь чаще всего была в никуда и постепенно слабела. Движения её становились всё менее энергичными, а дыхание всё больше напоминало пыхтение стоящего под парами паровоза.

Но всё равно мутант оставался опасен и в любой момент мог нанести смертельную рану. А значит, Байкер должен был быстрее расправиться с ним, поскольку и сам постепенно сдавал и бил уже не так сильно и точно, как раньше.

Я вышиб ударом сумки из твари очередной хриплый визг и краем глаза увидел, как Байкер, после хука левой, выхватил из нагрудных ножен армейский клинок с пилой на обухе. Скользнув вбок, как матадор, сталкер пропустил рванувшегося на него мутанта. Чуть согнув ноги в коленях, резко повернулся и вонзил холодную сталь прямо в центр похожего на нос сифилитика треугольного пятака. Мутосвинья захрипела, споткнулась, словно угодила копытом в кротовую нору, и грузно рухнула толстым брюхом на кустик похожей на осоку травы.

Последняя оставшаяся в живых тварь отчаянным рывком высвободилась из моей хватки, визжа, проскочила за спиной пошатывающегося от усталости Байкера и с ходу влетела в странное пятно чёрного цвета. Раздался громкий треск и шипение. Пучеглазка на полтора метра взлетела в кольцо чуть потемневшего и сжавшегося вокруг неё воздуха. Истошно вереща, скотинка медленно вращалась, растопырив уродливые конечности в стороны. Она поднималась всё выше и выше, пока не достигла вершины соседнего дерева. Послышался

нарастающий гул. Треск и шипение усилились, ощутимо запахло озоном, а потом хлопнуло так, будто взорвалась гигантская петарда, и во все стороны полетели окровавленные шматки.

Я повалился ничком, ткнулся лицом во влажную землю, закрыл голову руками. Сверху посыпался град костей и парного мяса. На мою пятую точку смачно шлёпнулось что-то, по ощущениям похожее на связку сосисок, а потом нечто тяжелое бухнулось рядом с прикрытой ладонями головой. Я лежал ещё какое-то время, вздрагивая от каждого шлепка по ногам и земле, пока не услышал удивлённый голос Байкера:

- Охренеть! Это ж как её разорвало, бедолагу.

Я приподнял голову. Мутант, вернее, задняя его половина, если так можно назвать багровое месиво с торчащим из него обрубок позвоночника, валялся слева от меня. Всё, что сохранилось от передней части, было у меня прямо перед глазами и состояло из переломанной в трёх местах конечности и головы с висящим на ниточке нерва глазом. Два других зрительных органа вытекли и покоились желтоватыми лужицами в свёрнутой набок нижней челюсти монстра.

Я пошевелился, стряхивая тяжесть с поясницы. Утопая ладонями в забрызганной кровью траве, встал сначала на колени, потом выпрямился в полный рост. Связка сосисок на моей заднице на деле оказалась тонким кишечником мутосвиньи. При ударе о землю сизая с розоватым отливом оболочка кое-где прохудилась, и содержимое кишок вывалилось наружу, источая такое амбре, что у меня даже слёзы выступили на глазах.

- Фу, ну и вонища! - Я зажал нос двумя пальцами. - Что они жрут?

- Всё, что шевелится и меньше их по размеру. Падалью эти твари тоже не брезгают.

Я поспешил отойти подальше от исходящей миазмами кучи. Просунул ладони под лямки, скинул рюкзак и осмотрелся в поисках чего-нибудь, чем можно счистить налипшие на одежду и заплечный мешок кусочки мяса. Дело здесь было не столько в моей страсти к чистоте, сколько в обычной предосторожности: в Зоне наверняка обитало немало желающих отведать свежатинки с требушкой, а от меня несло, как от скотобойни. В мои планы не входило стать обедом

какого-нибудь мутняка, поэтому надо было как можно скорее привести себя и поклажу в надлежащий вид.

Пока я глазел по сторонам, Байкер вытащил из туши второй мутосвиньи нож, обтёр о её жёсткую шкуру, сунул в ножны. К другой горе мяса с торчащим из головы «калашниковым» без приклада (деревянные обломки с фрагментами синей изоленты лежали в сильно притоптанной траве), он даже не подошёл. Видно, решил не тратить зря время на бесполезный уже металлолом.

Сталкер нагнулся к похожему на клубок змей растению, смахнул грубой ладонью покрытые белёсыми волосками стебли с широкого листа. Оторвал его от толстого коричневатого черенка, скомкал и, словно тряпкой, стал счищать с себя остатки разлетевшейся на куски твари. Он делал это так ловко, что уже через минуту на его камуфляже почти не осталось бурых пятен и розовых кусочков плоти.

На моё счастье, в трёх метрах от Байкера росло ещё одно подобное чудо аномальной природы. Я тоже сорвал широченный лист и вскоре на себе ощутил всю прелесть мгновенной уборки: стоило провести смятым листом по ткани, как с той исчезали любые загрязнения.

Через несколько минут мы уже были в чистёхонькой одежде, рюкзаки тоже обрели почти первозданный вид. Если бы не потёртости на брезентовых боках и верхнем клапане да потрескавшаяся от времени кожа ремешков, они вполне могли сойти за новые.

– Вот оно, наглядное действие чуждой человеку природы, – кивнул Байкер на чёрную проплешину в траве. – Это Зона, здесь каждый неверный шаг стоит жизни. Пучеглазка вон, глупое создание, сунулась сдуру в гравитационную ловушку – и что из этого вышло? – Он погладил невидимый шар в воздухе и губами симитировал звук взрыва. – Да что я тебе рассказываю. – Он вяло отмахнулся и наклонился за рюкзаком. – Ты ж не салабон какой-нибудь, а, это, как его, легендарная личность, ёксель-моксель.

Сталкер крикнул, легко закинул объёмистую ношу на спину и посмотрел на меня. Правда, почудилось мне в его взгляде что-то изучающее, настороженное.

Глава 5

Схрон

Байкер потопал впереди, а я пристроился за ним и зашагал, ступая след в след.

Без оружия проводник явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он всё время опасливо озирался по сторонам, словно в любой момент ожидая нападения мутняков, и более-менее успокоился, когда подобрал с земли довольно увесистый сук. Закинув дрын на плечо, сталкер достал из кармана горсть невесть где набранных камешков и бросал их всякий раз, если что-то впереди казалось ему подозрительным.

Двигаясь таким образом, минут через двадцать мы вышли из леса на заросшую жёсткой травой и кустами холмистую равнину. Кустарник издали напоминал мотки колючей проволоки. Да и вблизи выглядел не лучше: узкие листья сильно смахивали на острые шипы, а ветки по цвету и степени изогнутости мало чем отличались от ржавой и спутанной катанки.

– Слышь, Журналист, ты зла на меня не держи, – бросил через плечо Байкер, спускаясь в ложбинку меж двух высоких холмов.

На его запястье вдруг затрещал встроенный в ПДА сканер аномалий, обозначая близость «жаровни». Даже невооружённым глазом было видно место, где примостилась эта аномалия: ржавая мачта электропередаточ колебалась в потоках горячего воздуха над широким пятном выжженной травы.

– Верись, нет, на мозги мне что-то подействовало. Не иначе выброс сильный грядёт, перед такими катаклизмами обычно обострения всякие бывают. Да и мутосвиньи себя странно вели. Они так-то на людей не нападают, боятся, а тут – как с ума посходили, – ворчливо продолжил сталкер.

– Да ладно, чего там, – отмахнулся я и тут же поддёргнул натёршую плечо лямку рюкзака. – Со мной тоже не так давно странности приключились.

– Да?! И какие?

– Я парень не меркантильный, на деньгах не зацикленный, а сегодня как будто помешался на бабках: всё только и думал, где и как «капусты» срубить.

Байкер хмыкнул, покачал головой.

– А что ты хочешь? Это Зона! Она и не так на людей действует...

Датчик на его руке громко запищал. Байкер резко остановился, вскинул над головой сжатую в кулак ладонь, медленно попятился, отходя чуть в сторону. Я тоже сделал пару шагов в обратном направлении и вытянул шею, чтобы лучше видеть, что делает проводник. А тот достал камешки из кармана, кинул пару штук перед собой, потом ещё с десяток бросил вправо и влево от тропы, нащупывая дорогу. Большая часть камней, попадая в поле невидимой глазу аномалии, резко меняла направление и улетала в стороны. Оставшиеся чернели крупными бусинами в бурой, шелестящей на ветру траве, указывая безопасный путь. На всякий случай Байкер вытащил из кармана ещё одну горсть камней и медленно пошёл к склону левого холма, время от времени кидая перед собой камушки.

Пищание сканера уменьшалось по мере того, как мы взбирались на холм, зато всё громче трещал счётчик Гейгера. А когда до сваленных в кучу бетонных блоков рядом с застывшим на вершине строительным вагончиком со спущенными колёсами и пятнами рыжей краски на облупленных стенах оставалось около десяти метров, прибор и вовсе заверещал как полоумный.

Байкер упорно карабкался вверх, игнорируя трескотню дозиметра. Позже, когда мы уже спускались с холма, обойдя опасное место стороной, он объяснил: лучше хватануть лишнюю дозу облучения, чем угодить в аномалию.

– Придём на место, водки выпьем – выведем радионуклиды из организма. А вот после «мясорубки» нечего будет уже выводить, да и неоткуда: разбросает, зараза, по запчастям, вороны косточки добела обглодают, и никто потом не вспомнит, что были такие бродяги – Байкер да Журналист.

Я шёл за ним, кивал, соглашаясь, и смотрел то на притаившуюся в ложбине аномалию (оказывается, если приглядеться и если свет падал под нужным углом, то над опасным местом можно было увидеть призрачную сферу), то на круживших в небе хрипло каркающих чёрных птиц, оставшихся сегодня без

обеда.

После ловушки Байкер больше не проронил ни слова. Видимо, решил полностью сконцентрироваться на дороге, чтобы теперь уж заранее заметить опасность. Ведь нам, если честно, очень повезло: если бы его сканер вдруг вышел из строя – батарейка там села или микросхема сгорела какая-нибудь, – и не шагать бы нам с ним по жухлой траве, что хрустела у нас под ногами. Сталкер внимательно смотрел на ПДА, бросал камушки перед собой, нащупывая путь. Иногда останавливался, вслушиваясь в приносимые ветром звуки. Вместе с напарником к Зоне прислушивался и я, повторяя каждое его движение и впитывая чуждый для меня мир каждой клеточкой тела.

Ближе к вечеру температура заметно понизилась. Из расположенной на востоке низины на холмы надвигался туман. Там молочная пелена уже полностью поглотила разбросанные по равнине корявые кусты и теперь вплотную подбиралась к верхушкам голых ветвей чёрных уродливых деревьев. Казалось, будто это утопающие тянули руки в последних попытках вырваться из плена пучины, которая, не желая отпустить добычу, всё сильнее затягивала их в себя, пока клубящиеся волны не прошли над местом, где когда-то барахтались пленники стихии.

Я зябко поёжился, похлопал себя по плечам, пытаюсь не столько согреться, сколько согнать налетевших из тумана комаров. Нудно звеня, мерзкие твари так и норовили вонзить в меня свои тончайшие хоботки и вдоволь напиться свежей кровушки.

– Замёрз? – поинтересовался Байкер, не поворачивая головы.

Я лишь неразборчиво промычал в ответ и звонко прихлопнул нескольких кровопийц.

– Ничего, скоро на месте будем. Видишь вон те хибары? – он показал на соседний холм с горсткой хилых домишек на вершине. – Там заночуем и выброс переждём.

Байкер ускорился, словно почувывая воду лошадь, – даже камешки бросать перестал. Наверное, знал здесь всё как свои пять пальцев и не боялся угодить в аномалию, а может, просто устал и хотел как можно скорее отдохнуть.

Шагов через сто мы поравнялись с полусгнившим забором первого в заброшенной деревеньке дома. Повсюду виднелись следы давным-давно ушедшей из этих мест цивилизации: косые столбы ЛЭП с лежащими на земле проводами, рыжий от ржавчины «москвич» с открытыми дверцами и капотом, опрокинутый набок грузовик с обугленными досками кузова, продавленной крышей кабины и лохмотьями резины на чёрных от копоти колёсах. В кабине ЗИЛа что-то жидкое зеленовато мерцало и булькало. Иногда из лужи поднимались болотного цвета пузыри, подплывали к двери, будто изъеденной кислотой, и лопались с приглушёнными хлопками, разбрызгивая по кабине похожие на слизь ошмётки.

Из соседнего проулка выглядывал зелёный с рыжими пятнами нос БТРа с прицепленным к проушине буксировочным фалом. Со скрученного в петлю троса почти до земли свисали длинные пряди какого-то красноватого мочала. Стена дома, за которым пряталась бронемашина, была вся в чёрных, извилинами, разводах. Из пробоины в крыше росло дерево с непомерно толстым стволом и тонкими изломанными ветками без листьев, но с мотками чего-то похожего на блестящую проволоку.

Байкер подвёл меня к дому с гнилым крыльцом и развалившейся трубой. Шифер на крыше давно уже потрескался и кое-где прохудился. Некогда тщательно выкрашенные стены облезли. Там, где штукатурка отвалилась, проглядывали ряды неровной кирпичной кладки с торчащими из швов железными штырями. Эти проплешины в основном шли под окнами, сквозь пыльные стёкла которых с трудом просматривались стены с невзрачными обоями в мелкий цветочек.

– Иди осторожно, держись левой стороны, – предупредил меня Байкер и первым ступил на трухлявые доски крыльца. Растрескавшаяся от времени и непогоды древесина опасно затрещала под ногами моего проводника, но выдержала и не сломалась. Зато после каждого его шага в воздух поднимались похожие на пыль опилки и долго плавали там, медленно опускаясь на полусгнивший настил.

– А почему пыль так странно себя ведёт? Это как-то связано с твоим предупреждением? – спросил я, стараясь поставить ногу точно на след проводника.

– В центре крыльца «подкидыш» примостился – довольно слабый, но покалечить может не хило. Приятель Шпалы однажды умудрился здесь руку сломать: ступил не на ту половицу – и на тебе – отлетел аж к колодцу. – Байкер махнул

рукой в сторону торчащего из земли железобетонного кольца. – В доме тоже есть аномалии, так что держи ухо востро.

Байкер с шорохом вытащил из нагрудных ножен армейский клинок, приставил острое к почерневшей от плесени двери, толкнул. Петли противно завизжали, стряхивая с себя чешуйки ржавчины, дверь приоткрылась на несколько сантиметров. Байкер боком, словно краб, переступил через сильно стёртый порог. Прижимаясь спиной к стене, проводник приставным шагом добрался до входа в соседнюю комнату, махнул мне рукой: давай!

В точности повторяя его движения, я заскользил вдоль стены, не сводя глаз со сверкающего синими искрами огромного клубка молний. Скворчащая, как сало на сковородке, аномалия занимала почти всю комнату. Ионизированный «разрядником» воздух пощипывал кончики пальцев, нос и мочки ушей. Волосы до того наэлектризовались, что я чувствовал, как они шевелятся на голове.

Наконец левой ладонью я нащупал шершавый от облупившейся краски наличник. Ещё два коротких шага – и я оказался в соседней комнате. Здесь не было аномалий, зато в потолке зияла огромная дыра, из которой свисали похожие на лыко длинные бороды опалесцирующего лишайника. Там, где они касались пола, доски сильно почернели и казались обугленными. Вдоль правой стены половицы вообще отсутствовали. Через равные промежутки виднелись брусья с торчащими из подгнившего дерева ржавыми гнутыми гвоздями.

Стараясь не задевать косматые пряди, Байкер прошёл к дальнему углу, где валялись сваленные в кучу тряпки и обломки мебели. Поднял с полу деревяшку, разворошил хлам и ухватился за железное кольцо, привинченное к обколоченному жестью квадратному люку.

Сталкер первым спустился в подвал, зацепил ногой загромыхавшее тут же ведро, что-то откуда-то с шумом уронил, чертыхнулся. Потом раздался приглушённый щелчок, и тёмный провал озарился электрическим сиянием. Однако! Я и не ожидал, что в этой дыре могут быть подобные блага цивилизации.

– Эй, Журналист! Ты там заснул, что ли? Ёксель-моксель!.. Лезь сюда. И люк закрыть не забудь! – крикнул Байкер.

Осторожно обогнув ядовито светящиеся космы лишайника, я приблизился к люку, заглянул: грубо сколоченная лестница из берёзовых брёвнышек, бетонный пол и боковая стойка стеллажа из неструганных досок; на полках видны стенки дощатых ящиков с белой трафаретной маркировкой – буквы почти стёрты, не разобрать.

Я спустился на две ступеньки и опустил крышку люка, придерживая ладонью, чтобы не треснуло по голове. Преодолея ещё три тонких полешка лесенки, встал на пол, хрустя прилипшим к подошвам песком. Огляделся. Подвал оказался на удивление большим: света сорокаваттной лампочки с трудом хватало на то, чтобы разогнать сгустившийся до почти абсолютной черноты мрак по углам, который ворочался там, будто дышал, то вырастая до размеров сонного медведя, то сжимаясь и заползая в щели между большими фанерными ящиками. На полках грубо сколоченных стеллажей стояли деревянные ящики и картонные коробки разных размеров и форм, покрытые патиной времени пустые бутылки и банки.

У дальней стены терялся в сумраке громоздкий трёхстворчатый шкаф с массивной антресолю. Такая громадина при всём желании не смогла бы пролезть в узкий лаз. «Наверное, его принесли по частям и собрали уже тут, на месте, – подумал я. – Вряд ли погреб и дом строили вокруг этого монстра. Хотя я нисколько не удивлюсь, если на самом деле было именно так: наши люди и не на такое способны».

Справа от гигантского шкафа, почти в самом углу, ютился самодельный столик с кухонными принадлежностями. В полуметре над ним косо висела полка из потемневших от времени досок. На ней стояли в ряд белые железные кружки с чёрными пятнышками отбитой эмали и стопка разномастных тарелок.

За моей спиной на вбитых в стену крюках покоился целый арсенал, состоящий из трёх изрядно потрёпанных «калашниковых», пяти «макаровых» и одного непонятно как залетевшего сюда «пустынного орла». Внизу, под оружием, стояли закрытые на защёлки зелёные гранатные ящики. Из пролома в боковой стенке одного из них торчали жёлтые спирали древесной стружки и выглядывал круглый бок «лимонки».

Тусклое светило на голом проводе мигнуло и засияло ярче. Вскоре подвал вновь погрузился в привычные сумерки, но уже через несколько секунд лампочка Ильича опять зажглась в полный накал.

– Что это с ней? – я кивнул на пульсирующую «грушу».

– А-а, – отмахнулся Байкер, копаясь в картонной коробке. – Не обращай внимания. «Разрядник» перед выбросом нестабилен, вот она и моргает.

– Так она от аномалии запитана?! – Я, прищурившись, посмотрел на покрытую пылью сияющую колбу.

– Ага! А ты думал, здесь тебе централизованное энергоснабжение будет? – хмыкнул Байкер, вытаскивая на свет две толстые железные банки. – Держи!

Я поймал жестянку обеими руками, посмотрел на блёклую этикетку: «Гречневая каша с говядиной» – ничего, есть можно. В памяти сразу всплыла школьная столовая: длинный прилавок заставлен тарелками с молочным супом и слипшимися в комок макаронами с коричневыми лепёшками пережаренных котлет, а наверху засиженный мухами самодельный транспарант «Вкусно и питательно, просто замечательно».

– Нет, но... как-то непривычно это. И какой же Кулибин додумался до такого?

– Не знаю. Когда Шпала меня впервые сюда привёл, здесь всё уже так и было. Он не говорил, откуда узнал про этот схрон, а я не спрашивал. Горит лампочка – и хорошо. Уж лучше так, чем со свечкой сидеть. Ты, эта, ешь давай, ёксель-моксель, потом поговорим.

Сталкер сел на выступающий из-под нижней полки стеллажа край деревянного ящика, подцепил заскорузлым ногтем кольцо консервного ключа, резким движением открыл банку, вытащил ложку из нагрудного кармана и с аппетитом приступил к трапезе. В метре от проводника находился своеобразный трон из двух фанерных коробов по бокам от ящика с гранатами. Я удобно устроился на нём, вскрыл жестянку и вознамерился ухватить указательным пальцем здоровенный шмат каши с куском волокнистой тушёнки.

– Ёксель-моксель! Руками только дикари едят! – воскликнул Байкер, дал мне пластиковый трезубец и снова заскреб ложкой по стенкам своей жестянки.

Я вонзил зубцы одноразовой вилки в кашу, отковырял приличных размеров ком и только собрался заморить червячка, как Байкер заговорил набитым ртом:

– Опытный бродяга никогда не отправится в дорогу без минимального набора нужных вещей. Какой-то ты неправильный сталкер. Или ты и не сталкер вовсе, а так, приبلудный турист? Слыхал я про таких. Шпала, царство ему небесное, рассказывал. – Медленно двигая челюстью, Байкер, прищурившись, смотрел на меня. – Ну, что молчишь? Я прав?

Стараясь не смотреть ему в глаза, я кивнул и торопливо запихал в рот комок каши с торчащими из него толстыми волокнами мяса.

– А зачем тогда чужим погонялом назвался? Цену набить хотел? Так здесь за такие дела морду бьют. Хочешь, я первым буду? – Он звякнул ложкой о стенку банки, поставил жестянку на полку стеллажа, встал, с хрустом потянулся и шагнул ко мне.

– Эй, ты чего? – Я вскочил с «трона», воткнул вилку в кашу, сжал правую руку в кулак.

– Расслабься, – хохотнул Байкер, глядя на мою слишком серьёзную физиономию и крепко сжатую пятерню, – я чаю хочу.

Он прошёл в угол подвала, где на импровизированном из куска лакированной фанеры и поставленного на попа ящика столике покоился примус, над которым принялся колдовать, бормоча что-то себе под нос. Пока Байкер хозяйничал, я со зверским аппетитом уплетал холодную кашу. В жизни своей чего только не едал, но, пожалуй, более вкусной еды, чем эта, не пробовал. Видно, не зря в народе говорят: голод не тётка, пирожка не поднесёт. Есть захочешь, так и плесневелая корка хлеба пищей богов покажется.

К тому времени, как сталкер вернулся, я почти полностью очистил банку от содержимого. Так что он пропустил самую интересную часть зрелища. Хотя, скорее всего, он в Зоне и не такое видал. Подумаешь, человек ест как зверь: глотая целыми кусками и почти не жуя. Сам-то он, когда впервые сюда попал, ещё и не такое вытворял, наверное. «А кстати, как он здесь оказался? – подумал вдруг я. – Так же, как я, или он местный, если принять во внимание теорию параллельных миров».

Я так его и спросил, когда он, покопавшись в одной из коробок, вытащил на свет бутылку водки. Вместо ответа Байкер свернул пробку резким движением, хлебнул из горла, крякнул, вытер губы широкой ладонью и протянул горячительное мне.

– На-ка, хлебни вместо антирада, а то ночь скоро, а ты отсвечивать будешь, спать мешать. Ах-ха-ха-ха! – он громко захохотал, запрокинув голову.

Я поставил жестянку на фанерный подлокотник моего «трона», взял бутылку. В нос резкошибануло запахом сивушного спирта. Я поморщился, обтёр горлышко ладонью (Байкер при этом хмыкнул, но ничего не сказал) и сделал большой глоток. Водка обожгла внутренности, стекла по пищеводу в желудок и оттуда хмельным теплом разлилась по всему организму. В голове сразу зашумело, лампочка вдруг засветила ярче, а шум примуса и нагревающейся в закопчённом котелке воды обрёл объёмное звучание.

– Полегчало? Вот и хорошо. Хлебни ещё, парень, да не стесняйся, радиация водку не любит.

Следуя совету Байкера, я снова приложился к бутылке и на этот раз не отрывался от горлышка до тех пор, пока не выбулькал чуть ли не половину содержимого.

– Ого! Здоров ты. – Поджав губы, покачал головой сталкер. – Закусить не забудь, а то развезёт ещё с непривычки-то. Это тебе не вискарь какой-нибудь. Это, брат, та ещё сила. Голову на раз-два сносит, если без закусона хлестать. Специально для сталкеров сделана, чтобы они, понимаешь, могли дрянь всякую радионуклидную из организма выводить, да и так – посидеть за компанию при случае. Ну, вот как у нас с тобой. Тебя как звать-то на самом деле?

Поставив бутылку, я нацепил на вилку последний крупный кусок каши из своей жестянки, поводит им перед носом собеседника, говоря заплетающимся языком:

– Э-э нет, так нечес-сно, с-сначала ты мне ответь.

Байкер, склонив голову набок, несколько секунд изучал меня, словно раздумывая, говорить или нет, потом хлопнул руками по бёдрам, протянул

мозолистую ладонь:

– Дай сюда!

Я отдал ему бутылку. Он схватил её, в несколько длинных глотков разделался с оставшейся водкой. Водрузив опустевшую склянку на стеллаж, проводник упёрся широкими лапищами в колени, наклонился ко мне, пристально посмотрел в глаза.

– Хочешь знать, как я здесь оказался?

Я кивнул, чувствуя, как нарастает хмельной шум в голове. Внезапно стенки пищевода обожгла подкатившая к горлу смесь из каши с дрянным алкоголем. Я сжал зубы, громко сглотнул и хватанул воздуха ртом.

Байкер, хмыкнув, криво усмехнулся. Впрочем, в последнем я не был абсолютно уверен, поскольку его губы терялись в густой бороде.

– Что, брат, радиация наружу лезет? Ничего, сейчас чайку моего особенного хлебнёшь – и всё как рукой снимет.

Он встал, шагнул к весело шипящему примусу, на котором позвякивал, бурля кипятком, котелок. Пар столбом поднимался к тёмному от пыли и сажи потолку. Брызги горячей воды летели во все стороны, шипели, испаряясь на раскалённых частях примуса. Байкер шумно плюнул на пальцы, схватил чёрную дужку котелка, поставил его на пожелтевшую от высоких температур квадратную дощечку с длинной косой трещиной посередине. Звякнул железными стенками кружек, цепляя ручки на мясистый палец, грохнул оббитыми донышками по столу.

– Тебе чай покрепче или как?

– Ты, давай, от т-темы не уходи, – сказал я, звонко икнул и прикрыл рот ладонью.

Вместо ответа Байкер насыпал в кружки заварку из бумажного пакета, добавил щепоть каких-то трав, плеснул кипятку. В подвале сразу запахло мятой и мёдом, потянуло чёрной смородиной.

– Сахара нет, да он и не нужен, только вкус перебьёт, – сказал сталкер. – Осторожно, горячая, – предупредил он, ставя исходящую паром кружку на край фанерного «подлокотника».

Держа свою посудину двумя пальцами за чёрный ободок, он поставил её на стеллаж рядом с пустой бутылкой, взял банку с остатками каши, уселся на край ящика. Подцепил крупный кусок каши, сунул в рот, звякнув зубами о ложку, стал сосредоточенно жевать, глядя в одну точку перед собой.

– Я и сам не прочь узнать, как здесь оказался, – заговорил он наконец. – Понимаешь, я ничего не помню, кроме последних двух лет в Зоне. Я не знаю, кем был раньше, чем занимался, как и почему сюда попал. Я просто очнулся здесь однажды лунной ночью, лёжа в развалинах какого-то дома посреди заброшенной деревеньки. В руках вот этот «калашников», – кивнул он в сторону висевшего на стене старого автомата, – на теле камуфляж, на ногах берцы. В голове треск, в ушах звон, во рту сухость, будто после бурной вечеринки, в глазах кровавые круги. Хорошо мутантов поблизости не было. Эти твари появились, когда я уже более-менее оклемался. Ну, зрение там в норму вернулось, слух. Повезло ещё, что автомат заряжен был да запасной рожок с собой имелся, а то бы не сидеть мне с тобой сейчас.

Проводник поскрёб ложкой по дну банки, доел остатки каши, поставил жестянку на стеллаж и взял обеими руками кружку. Вытянув губы трубочкой, подул, сгоняя белёсые струйки пара, шумно глотнул и блаженно зажмурился:

– Вкуснотища! Травки сам собирал – здесь, неподалёку. Ты пей, пей, а то остынет. Такой чай пить надо, когда он горячий, – и сил придаст, и здоровье поправит, если что.

Я попытался взять кружку, но тут же зашипел, обжегшись о горячую ручку.

– Пускай ещё немного остынет. Я в детстве горячим молоком язык сильно обжёг, так что с тех пор у меня с кипятком особые отношения, – сказал я.

Брови сталкера приподнялись, а сам он пожал плечами: дескать, наше дело предложить, а там – хоть трава не расти.

– Так ты, значит, всего лишь два года здесь. А кто тебе такое прозвище дал или ты сам его придумал? – продолжил я разговор.

– Шпала так прозвал, ёксель-моксель. Я, когда в развалинах очухался, нарвался на стаю «слепышей». Половину тварей уложил из автомата, остальные разбежались, пока я перезаряжался. Я не стал ждать, когда они вернуться, ломанулся в лесок, что рос неподалёку от деревни, – решил на дерево забраться и там переночевать. В деревне-то беспокойно было: после собак туда ещё какие-то твари наведались. Я их не видел, честно скажу, но слышал, как они хрипели и топали. В общем, повезло мне тогда. Видно, не захотела Зона меня к себе прибрать: все аномалии в стороны отвела, мутантов окольными путями пустила. Короче, добрался я до небольшой полянки, вижу, мужик какой-то в лучах лунного света стоит. Как сейчас помню: босой, в синих штанах и белой майке, лысина отсвечивает, голова большая, лоб широкий.

Сталкер отхлебнул чая, кивком указал на мою кружку. Я понял, что отказываться дальше нет смысла, и осторожно дотронулся пальцем до ободка. «Нормально, – подумал я. – При должной осторожности не обожгусь». Чай и в самом деле оказался приятным на вкус. Он и тонизировал, и расслаблял одновременно, даря отдых и восстанавливая силы. Хмель постепенно отступал, оставив сухость и неприятный привкус во рту, но горячий напиток помог справиться и с этими неприятностями.

– Стоит он и что-то бормочет себе под нос, – продолжил Байкер, удовлетворённо кивнув в ответ на мой восхищённый жест в адрес его чая. – Ну, я и окликнул его. Вдруг, думаю, подскажет, куда мне идти. Я же в этих местах никогда не бывал, не знаю, что здесь и как. А он будто не слышит: приложил руку козырьком ко лбу и смотрит в лес, словно диковину какую-то разглядывает. Я ближе подошёл, руку ему на плечо положил. Мужик, говорю, оглох, что ли? Есть тут жилые деревни поблизости?

Сталкер замолчал, делая большой глоток.

– Ну а дальше что? – нетерпеливо спросил я его и тоже припал к кружке.

– А ничего. Посмотрел он на меня, развернулся и ушёл в заросли. Только я после его взгляда на время рассудком повредился, а ведь мог вообще жизни лишиться: не человек это был, а дирижёр – один из самых опасных мутантов в Зоне. Я это

позже понял, когда пообжился тут да опыта понабрался.

Байкер со вздохом покачал головой и продолжил:

– Что было потом, не знаю. Следующее, что я помню, – широкая такая поляна с большим костром посередине. У огня пятеро сидят, руки к рыжим языкам тянут, греются. А тут я на них верхом на мутохряке скачу, автоматом, словно саблей, размахиваю. Ну, ясное дело: шум, гам, крики. Кто-то стрелять начал. Зверь подомной споткнулся, я через него перелетел, головой в дерево треснул. Очнулся от того, что меня ладонями по лицу хлещут. Глаза открыл, вижу: братки. Всё, думаю, кранты мне пришли: сейчас на ремни располосуют за то, что отдых реальным пацанам испортил. А их старший, Шпала, вменяемым парнем оказался с неслабым чувством юмора. Захохотал он и говорит: «Ну ты и байкер! Сколько Зону топчу, а такого, чтоб люди верхом на мутанте по лесу рассекали, ни разу ещё не видел». Так это прозвище и прилипло ко мне. Я к его отряду отмычкой прибился. Шпала меня премудростям всяким учил: как тропу искать, аномалии обходить, артефакты из них на свет вытаскивать. Он раньше бандитским ремеслом промышлял. А потом, когда банду, где он «шестёркой» ходил, военсталы в капусту порубили, Шпала с Гуру и Молотом решили вольными бродягами стать, честным трудом на жизнь зарабатывать. Вот так Зона людей перековывает: кого из бандитов в сталкеров превращает, а кого – наоборот. Да, парень, и такое случается.

Байкер разом допил остывший чай, с кряхтением поднялся и двинулся в угол за новой порцией.

– Теперь твоя очередь, – сказал он.

– Сергей Роднопольский, журналист. Сутки назад работал в Москве заместителем главного редактора журнала Moscow Time. Прибыл на Украину с целью написать статью о повальном увлечении молодёжи реалити-играми по мотивам культовой компьютерной трилогии «Сталкер», – оттарабанил я на одном дыхании.

– О как! Что за трилогия такая? – спросил Байкер.

– Компьютерные игры о вымышленном мире Зоны, возникшем в результате второго взрыва на ЧАЭС в 2006 году из-за неудачного эксперимента учёных. Там всё – как здесь: мутанты, аномалии, артефакты, сталкерские и бандитские группировки. Первая игра серии произвела эффект разорвавшейся бомбы. Её создатели поняли, что нашли золотую жилу, и запустили литературный проект, где описывались приключения игровых персонажей и выдуманных авторами героев. Две последующие игры ещё больше подогрели интерес к набирающей популярность субкультуре, породили массу продолжений и накалили страсти до такой степени, что многие фанаты виртуальных сражений решили устроить игрища в реале. Они съезжались на Украину со всего мира, любыми способами проникали в зону отчуждения вокруг настоящей ЧАЭС и устраивали там страйкбольные бои, воображая себя крутыми охотниками за артефактами и истребителями мутантов, пока власти не взялись всерьёз за это дело. Создали охранный периметр вокруг зоны отчуждения, нагнали вояк, подключили к охране миротворцев ООН. Но всё без толку. Фанаты игр всё равно проникали за колючую проволоку и, говорят, даже создали в запретной зоне несколько постоянно действующих лагерей. Вот я и хотел написать о них материал, но вместо этого каким-то образом оказался здесь.

Байкер даже чай пить перестал, так и застыл над кружкой с вытянутыми в трубочку губами.

– Погоди. Так ты что – не местный?

– Только сейчас дошло? – усмехнулся я.

– А эти карты в планшетнике...

Я кивнул:

– Ага. Скриншоты локаций тех самых игр.

– Ёксель-моксель! А выглядят как настоящие, полностью совпадают с ландшафтом, и даже блокпосты с заброшенными деревьями отмечены. Я это заметил, когда ещё Шпала их просматривал. – Байкер поставил кружку на стеллаж, встал. Заложив мускулистые руки за спину, он стал задумчиво ходить по подвалу, едва не цепляя широкими плечами выступающие за пределы полок углы коробок и ящиков.

Пока сталкер шагами мерил убежище, я разрабатывал дальнейший план действий: «Найти способ вернуться домой – это раз. Уговорить Байкера стать моим провожатым в этом царстве Аида – это два. Сказать легко, а вот как сделать? А если Байкер не захочет со мной возиться? Для него “пассажир” – серьёзная обуза. Особенно такой, как я. Ведь у меня нет опыта выживания в таких условиях, здесь каждый шаг может стать последним. Значит, надо чем-то зацепить его, заманить, подкинуть ему что-то такое, от чего он уже не сможет отказаться».

– Это ещё не всё, – сказал я, допив чай, и поставил кружку на короб справа от себя. – Мне было около года, когда мой отец – известный учёный – по заданию партии отправился на ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС. Однажды он с группой коллег поехал снимать показания возле взорвавшегося реактора. С тех пор их больше никто не видел. Нам с мамой пришла похоронка, где официальной причиной смерти значился повторный взрыв и пожар в разрушенном энергоблоке. Не так давно я навёл справки. Пожар действительно был, но после того, как его потушили, в развалинах не нашли ни одного трупа. Я хотел не только написать статью о фанатичных геймерах, но и попытаться найти следы отца, ну или хотя бы какое-то упоминание о нём. Но теперь, после всего, что со мной приключилось, думаю, он тоже мог оказаться в этой реальности, как я и ты, Байкер.

Сталкер резко остановился, будто налетел на невидимую преграду, медленно повернулся ко мне. Его загорелое лицо сильно побледнело.

– Хочешь сказать, я тоже из твоего времени?

– Ну да. Иначе как объяснить твою амнезию?

– Но ведь ты помнишь всё, что с тобой было до того, как здесь оказался.

– И что? Мало ли какие события предшествовали твоему перемещению? Может, ты где-то воевал и тебя контузило? Ведь ты сам говорил, что очнулся в камуфляже, берцах и с автоматом в руках.

– Логично, – кивнул Байкер. – Это могло бы многое объяснить, но не всё. Например, почему я попал сюда.

- По той же причине, что и я. Кто-то захотел, чтобы мы здесь оказались.

Бородач устремил на меня взгляд зелёных с жёлтыми крапинками глаз.

- Или что-то. - Он вернулся на служивший ему стулом ящик, протянул руку. - Дай-ка сюда планшет.

- Не думаю, что он нам поможет. Похоже, я его разбил, когда от пучеглазки отбивался, - сказал я, но всё-таки потянулся за сумкой.

Вжикнув молнией чехла, Байкер вытащил раздолбанный гаджет. Как я и предполагал, на приборе живого места не осталось: экран покрылся паутиной трещин, а корпус зиял пробоинами, сквозь которые проглядывала зелёная пластина платы с серебристыми точками пайки.

- Ну, что я говорил?

- Ерунда, - отмахнулся проводник, - попробую карту памяти в свой наладонник воткнуть. Может, что и получится.

Следующие несколько минут, пока сталкер возился с электроникой, я продолжал гнуть свою линию, методично добиваясь цели. Всё-таки профессия накладывает отпечаток: умение вовремя находить нужные слова не раз помогало мне в жизни, вот и сейчас оно пришлось кстати. Я заливался соловьём, убеждая собеседника стать моим проводником, и красочно описывал выгоды такого сотрудничества.

За это время Байкер разобрал сломанный планшет. Вытащил из гнезда карту памяти и теперь пытался открыть наладонник. Высунув язык от усердия, сталкер осторожно ковырял ПДА кончиком ножа.

Видя его мучения, я хотел предложить помощь, но потом передумал. «Пускай подольше с КПК возится, - думал я, - глядишь, закреплю достигнутый результат. Вроде бы я его уже убедил - вон как глазами в мою сторону постреливает. Судя по всему, прикидывает шансы нашего тандема, но какое-то сомнение всё же осталось. Я вижу это по его лицу: то лоб нахмурит, то губы подожмёт. Тем более

надо усилить нажим и ударить по рукам, пока есть такая возможность. Нельзя давать ему время, чтобы он смог как следует обмозговать моё предложение. Завтра он откажется, нутром чую».

– Слышь, ты, журналист хренов, хорош триндеть, все уши прожужжал уже! – воскликнул Байкер и сунул в рот большой палец, слизывая выступившую из ранки кровь. – Видишь, до чего твоя болтовня довела?

В очередной раз неудачно подковырнув ножом едва заметную ниточку шва на приборе, сталкер воткнул кончик лезвия в подушечку пальца и теперь вымещал досаду на мне.

– А я здесь при чём? – развёл я руки в стороны. – Кто ж такую технику ножом ковыряет. Тут нежность нужна, ласка и осторожность, как с женщиной. Понимаешь?

– Ну и открывай сам, раз такой умный, – пробурчал Байкер и кинул мне наладонник.

Я повертел устройство в руках: экран пять дюймов, справа узкая щель динамика громкой связи, слева три расположенные в ряд сенсорные кнопки – крайние для серфинга в меню, средняя – нечто вроде многофункционального джойстика, вызов спецприложений, вроде электронного счётчика Гейгера, ДЖФ и сканера аномалий, – через «галерею», одним касанием пальца. Стандартный КПК, ничего особенного. Я, если честно, ожидал чего-то покруче.

Заметив на ребре наладонника прикрытое едва различимой заглушкой гнездо для карты памяти, надавил ногтем, подцепил пальцами выступивший кончик и вытащил из чёрного корпуса пластиковую рамку с установленной внутри серебристой карточкой.

Байкер хмыкнул. Покачав головой, он протянул извлечённый из «убитого» планшета кусочек пластика с интегрированной в него микросхемой:

– Держи.

Я взял «кладезь информации» из его рук, поменял местами с установленной ранее картой памяти, включил прибор. Какое-то время ничего не происходило, но потом экран засветился, и под звуки льющейся из динамика приятной мелодии на его поверхности появился логотип фирмы-производителя: четыре направленных в разные стороны разноцветных лепестка над красным полукругом. Синяя волнистая линия под ним, видимо, означала воду. Получалось что-то похожее на восходящее из морской пучины солнце... или садящееся в бездну. Это уж кому как нравится.

Не успел логотип смениться фоном рабочего стола, как вдруг на улице что-то так громко хлопнуло, что стены нашего убежища содрогнулись, а с потолка посыпались кусочки посеревшей от времени и пыли побелки. Байкер тут же схватился за голову, рухнул на колени. Его глаза налились кровью, на губах выступила пена. Вены на лбу и на шее набухли, кожа на окаменевших желваках натянулась и приобрела бледно-серый оттенок, словно проводник постепенно превращался в мумию.

Лампочка, до этого равномерно заполнявшая помещение тусклым светом, засветилась так ярко, что я зажмурился, дабы не ослепнуть. А потом раздался трескучий хлопок – и мир погрузился во тьму. Правда, ненадолго. Почти сразу подвал наполнился красноватым свечением, которое лилось из того угла, где снаружи, по моим прикидкам, «разрядник» щедро сыпал серебристыми молниями.

Сталкер закричал. Этот вопль, полный отчаяния и боли, скоро перешёл в протяжный стон. Байкер повалился набок и забился в конвульсиях, роняя на пол хлопья пены с посиневших губ.

Я хотел помочь ему, но не мог пошевелиться. Меня словно пригвоздило к месту длинным и раскалённым металлическим прутком, вошедшим в темечко и пронзившим позвоночник насквозь. Дикая, яростная боль затмила сознание. В глазах сперва потемнело, потом вспыхнули мириады искр и поплыли разноцветные круги. Чёрные сменялись красными, те, в свою очередь, бордовыми, белые окружности завершали цикл, и всё начиналось сначала. Зубы ныли, как будто в них воткнули тысячи тонких игл и ковыряли ими, наматывая нервы на блестящий металл. Мышцы свело судорогой, кости трещали, грозя в любой момент переломиться.

Не знаю, сколько времени это длилось: десять секунд, минуту, час. Мне казалось, что целая вечность прошла с тех пор, как скрючило Байкера, а я превратился в пронзённого невидимой гигантской булавкой жука.

Приступ миновал так же внезапно, как и начался. Неожиданно я почувствовал себя свободным. Обретя прежнюю подвижность, сделал шаг и тотчас рухнул на пол рядом с затихшим сталкером. Тот уже не стонал. Он вообще не выказывал никаких признаков жизни: кожа синюшная, голова повёрнута набок, покрытый белыми хлопьями язык выпал изо рта, закатившиеся глаза сверкают белками. Зомби, да и только.

Я подтянулся к нему на руках, дотронулся пальцами до шеи – холодная и влажная, словно куриная тушка, только что вытащенная из холодильника. Ладно хоть пульс прощупывался. Еле различимый, но он был, а значит, Байкер был жив, не оставил меня одного. И на том спасибо.

Хлесь! Хлесь!

Два резких отрывистых звука вырвали меня из оцепенения. Я вдруг с удивлением ощутил жар на щеках и почувствовал себя так, словно катился в телеге по старой разбитой дороге.

– Эй, журналист! Журналист, ты чего? – тряхнул меня за грудки Байкер. – А ну отлипни! Хорош тормозить, ёксель-моксель!

Он снова занёс руку для удара, собираясь огреть меня по лицу, но я успел перехватить его запястье.

– Ну, слава Зоне, очнулся. А я уж думал, ты, эта, того: в прострацию впал. Помню, был у нас со Шпалой случай: наткнулись мы на чей-то схрон перед выбросом, залезли туда, а там салага сидит – зелёный такой молокосос, с девками, наверное, ещё даже не целовался...

Байкер треснул меня по руке:

– А ну не трожь! Чего свои грабли ко мне тянешь? Я тебе не баба, нечего меня лапать!

– Я просто хотел проверить, всё ли с тобой в порядке, – обиженно буркнул я, потирая тыльную сторону ладони с красным отпечатком пятерни сталкера.

– А чего меня проверять, ёксель-моксель?! Я вроде не счёт в банке.

– У тебя недавно пена изо рта хлестала, а сам ты на полу в судорогах корчился! – выкрикнул я, постепенно распаяясь. – Я тебе помочь хотел, а ты так меня за это благодаришь, да?

Проводник тихо присвистнул.

– Ого, как тебя торкнуло. Глюки, болезненные реакции, зависание и выпадение из реальности. Я, конечно, знал, что новички по-особенному на первый выброс реагируют, но чтобы так, – он зацокал языком, качая головой. – Иди-ка ты спать, парень. Я, так и быть, эту ночь сам подежурю, а ты давай сил набирайся, а то сломает тебя Зона, сожрёт и не подавится.

– Как это сожрёт? – спросил я и громко зевнул. Как-то неожиданно быстро меня потянуло в сон. Ещё недавно я чувствовал себя бодрячком, а теперь вдруг как будто внутри села батарейка.

– А вот так! Превратит мозги в кашу, и станешь ты зомбаком.

Глава 6

Посвящение в сталкеры

Я проспал почти десять часов и проснулся от щекочущего ноздри запаха свежесваренного кофе. Потянувшись, встал с полосатого матраса, великодушно одолженного Байкером на одну ночь, продрал глаза и снова втянул носом дурмящий аромат.

Сам Байкер в это время хозяйничал возле примуса. Из одежды на нём были камуфляжные штаны и тельник-безрукавка. Услышав мою возню, сталкер оглянулся.

– А-а, проснулся, соня, – добродушно пробурчал он в бороду и снял с подставки походной плиты шипящую сковородку. Словно заправский повар подкинул, переворачивая, подрумянившиеся со всех сторон кусочки мяса и с грохотом водрузил чугунную посудину обратно. – Скоро будет готово. Хлеб я уже пожарил. – Он кивнул на покрытый старой газетой перевёрнутый ящик. Центр импровизированного стола был занят похожей на морскую раковину тарелкой, на которой горкой лежали хрустящие тосты. – Разлей кофе по кружкам и можешь начинать.

Пока я возился с кофейником, «шеф-повар» погасил примус, выгреб деревянной лопаткой скворчащее мясо из сковородки на одноразовую тарелку. Широкий круг белого картона сразу пропитался похожими на грозовые тучи пятнами жира.

– Налетай! – Байкер взял в одну руку хрустящую корочку хлеба, пальцами другой, словно пинцетом, подцепил румяный кусочек мяса и водрузил его на тост, будто вишенку на торт.

– Откуда мясо? – спросил я, следуя примеру проводника.

– Из Зоны, вестимо, – в тон мне ответил Байкер и с хрустом впился зубами в жареный хлеб.

Мы переглянулись и захохотали. Смеялись долго, от души, охая, вытирая выступившие слёзы и хлопая себя по бёдрам. Видимо, выпавшие на нашу долю испытания не прошли даром, и этот почти истерический смех послужил защитным клапаном, через который стравливалось избыточное давление на психику.

– Нет, а если серьёзно, – сказал я, просмеявшись. Пригубил чуть остывший кофе и захрустел кусочком тоста.

– Так никто и не шутил. Пока ты спал, я сходил на прогулку. В трёх домах отсюда тандем «жаровни» и «подкидыша» притаился. Аномалии так себе: по десятибалльной шкале паршивости – на слабенькую троечку, не больше. Ночью, после выброса, в деревню забрела парочка пучеглазок. Не знаю, что там произошло: сушильщик их спугнул или ещё кто, но одна из тварей в «жаровню»

угодила – её обгоревшая туша до сих пор в аномалии тлеет, – а вот второй мутняк сдуру в «подкидыш» заскочил. Отбросило «хрюшу» прямым на торчащую из земли арматуру. Прямо как на вертел насадило. Вот я и подумал: чего добру зря пропадать. Консервы уже опостытели, мяска свеженького хоцца, а тут оно даром валяется, бери – не хочу.

Байкер подцепил с картонки ещё один истекающий жиром кусок, сунул в рот, сказал с набитым ртом:

– Да ты ешь, ешь. Чего жевать перестал? Вполне съедобно, по вкусу на свинину похоже, да и немудрено: мутанты-то эти от них свою родословную ведут. Фонит, правда, немного, так здесь на всё счётчик реагирует. Зона, ёксель-моксель.

Он выковырял из зубов застрявший кусочек шашлыка, сплюнул в сторону и добавил:

– Здесь, паря, едой не брезгуют, какая бы она ни была. Вот не хватит сил с мутняком справиться или скопление аномалий обогнуть – тогда по-другому запоёшь. Жуй давай! После завтрака примешь ампулу антирада, раз такой нежный оказался.

– А можно я сейчас приму? – попросил я и протянул сложенную ковшиком ладонь.

Байкер несколько секунд изучал меня внимательным взглядом, потом хмыкнул, покачал головой. Обтёр жирные пальцы о тельник, полез в карман брюк и вскоре извлёк оттуда серебристую полоску блистера. Металлизированная упаковка отбрасывала блики, так что я не смог разобрать название препарата, а прочитал лишь две последние буквы: «ин». Гадать, что за средство носил с собой Байкер, я не собирался. Просто дождался, когда он выдавит на ладонь красно-белую ампулу размером с фасолину, схватил её двумя пальцами, закинул в рот и проглотил не запивая.

Видя такое дело, сталкер усмехнулся, спрятал таблетки в карман и сварганил себе ещё один бутерброд. К тому времени кофе в кружке почти остыл. Байкер допил его махом, налил ещё и продолжил завтракать. При этом он с юмором рассказывал о своих приключениях в Зоне. Причём делал это так задорно, что я вскоре весело хохотал, забыв о проникающей всюду радиации и поджидающих

снаружи опасностях.

После завтрака Байкер снабдил меня подходящей для прогулок по Зоне одеждой, дал бреник с давними следами от пуль, автомат, два полных, примотанных друг к другу изолентой магазина, а в довесок вручил ПМ с запасной обоймой и нож. На вопрос: с чего такая щедрость, сталкер лишь загадочно усмехнулся, надел куртку и занялся сбором своего рюкзака.

Попутно он то и дело давал мне наставления, как без приборов определять размер, форму и тип аномалий. Оказывается, эти изменённые участки местности выдавали себя либо дрожанием воздуха над ними, либо искажением линии горизонта. Легче всего невооружённым глазом фиксировались гравитационные ловушки. Они притягивали опавшие листья и прочий древесный хлам. Вихревые воронки постоянно кружились вокруг этих проявлений чуждой человеку природы, словно предупреждая о притаившейся внутри невидимой силе.

Лишь когда мы покинули убежище, я понял причину такой благотворительности и проведённого мастер-класса. Шагах в десяти от дома Байкер протянул мне наполненный мелкими камушками брезентовый мешочек с двумя широкими шлёвками на боку, оставив у себя на поясе подобный омоньер, но более скромных размеров.

– Держи. Я принимаю твоё предложение, но путешествие к центру Зоны – это не прогулка по городскому парку. Здесь всё хочет убить тебя, ты должен многое уметь и знать, чтобы элементарно выжить.

– Я способный и быстро учусь.

Сталкер кивнул, и, пока я цеплял кошель к ремню, продолжил:

– Шагай медленно, никуда не торопись, смотри внимательно по сторонам и под ноги. Если почувствуешь, что глаз «замылится», – остановись, зажмурься и поморгай, выжди пару минут, глядя то в небо, то вдаль, и только после этого снова иди. Не забывай нащупывать границы аномалий гравием. Камни не жалеи, но и особо не разбрасывайся. Ну, давай. Курс вон на то дерево.

Указанный Байкером ориентир находился в конце образованного обветшалыми домами коридора. Я посмотрел на чёрный, будто обугленный ствол с кривыми,

лишёнными листья ветвями. Они были густо затянуты серой, похожей на шерсть паутиной и жутко скрипели при каждом дуновении ветра.

Дерево, вернее, то, что от него осталось, росло на территории бывшего частного владения. Забор давным-давно сгнил и целыми пролётами упал на землю. Сохранилась лишь малая часть заграждения – левее превратившегося в развалины дома. Длинная желтоватая трава так плотно оплела уцелевшие штакетины, что со стороны они казались монолитной стеной.

Мёртвое растение возвышалось в центре огромного, метров двадцати в диаметре, чёрного пятна на земле. Среди кочек сухой травы и за пределами «магического» круга белели чьи-то останки. На таком расстоянии было не разобрать, кто нашёл там последнее пристанище: мутанты или одинокие сталкеры.

Тем более контрастно с этим локальным царством смерти смотрелись шумевшие жёсткой листвой растущие неподалёку приземистые кусты и парочка старых яблонь с корявыми потрескавшимися стволами. Вместо плодов на них висели громыхающие на ветру пустые алюминиевые банки. Шум они производили довольно-таки сильный. «Странно, почему я не слышал этого скрежета вчера? – озадачился я. – Так сильно устал, что не обратил на него внимания?»

– Это я их на рассвете повесил, – пояснил Байкер, заметив выражение недоумения на моём лице. – Услышал поблизости вой «слепышей» и устроил им неприятный подарочек. Эти твари не выносят резких звуков и стараются держаться подальше от их источника. Конечно, от других мутантов это не спасёт, но я и не ставил перед собой такой цели: в Зоне проблемы решаются по мере их поступления.

Мы двинулись к мёртвому дереву. От него до окраины посёлка было ещё метров тридцать или, может, чуть больше. Зброшенное селение стояло сбоку от изогнувшегося дугой широкого шоссе, по краям которого росли высокие осоки. Их зелёные верхушки щекотали бока низко нависших над безлюдной деревушкой туч. Порой зелёные пики пропарывали сплошной серый покров неба, и тогда на изуродованную землю падал тёплый солнечный луч. Но длилось это недолго, прореха быстро затягивалась, и мир снова погружался в привычную хмарь.

По словам проводника, эта дорога вела к лагерю независимых сталкеров. Там жил и работал Диод – народный умелец с золотыми руками. К нему мы и направлялись. Мастер от бога, он мог починить любую электронную – и не только – вещь. КПК Байкера накрылся во время очередной попытки считать информацию с карты памяти моего безвременно погибшего планшета, а без всевозможных датчиков и детекторов, хранящихся внутри сталкерского гаджета, в Зону мог сунуться только сумасшедший – вывод напрашивался сам собой.

Но ещё больше, чем ремонт сломанного наладонника, моего проводника интересовала возможность скопировать скриншоты игровых локаций. Он снова упомянул об их поразительном сходстве с настоящими картами и выразил твёрдую уверенность в том, что только с их помощью мы сможем добраться до ЧАЭС. После этих слов я невольно задумался: благодаря чему (или кому?) и зачем в нашем мире появилась компьютерная трилогия и связанный с ней какой-то просто фантастический культ.

Я шёл впереди, Байкер – на шаг позади меня и чуть правее, чтобы контролировать мои действия. Сначала он советовал, куда бросать камни, но поскольку я всё делал правильно, а приютившиеся возле домов и брошенной техники аномалии и так хорошо различались на фоне частично разрушенных стен и ржавых остовов, стал молча наблюдать за мной.

Справа от мёртвого дерева едва заметно мерцала довольно большая полусфера. Её радужная поверхность время от времени покрывалась рябью, от которой по прозрачным стенкам пробегали волны.

– Обрати внимание на этот гигантский «мыльный пузырь», – затянутой в перчатку рукой Байкер показал на переливающееся в солнечном свете полушарие. Впрочем, прореха в покрывале из туч быстро затянулась, подсветивший купол аномалии лучик исчез, и границы ловушки стали незаметны. – Это «соковыжималка» – довольно редкая, но очень опасная ловушка. Она убивает не сразу, как «гравиконцентрат» или «жаровня», а постепенно, вытягивая из тебя соки. Видишь, что она сделала с деревом?

Я кивнул, вытащил из кошелька камешек, покрутил в пальцах, примеряясь, куда бы кинуть: ближе к чёрному стволу или рядом с лежащей на земле веткой. Но едва замахнулся, почувствовал медвежьей хваткой проводника на своём запястье.

– Не буди лихо понапрасну. «Соковыжималка» – что твоя амёба: стоит потревожить – сразу меняет границы, причём спонтанно. Никогда не знаешь, куда она выбросит ложноножки. Эти кости, – он мотнул головой в сторону белеющих в траве скелетов, – напоминание таким, как ты: смерть не любит, когда с ней играют в жмурки.

Проводник отпустил мою руку и показал на соседний дом, крышу которого проломило давно упавшее дерево. – Нам туда. Обогнём хибару, пройдем через сарай, пересечём небольшой лужок и через час выйдем на дорогу.

– А почему так долго? Тут идти-то всего ничего: махнул напрямки – и дело в шляпе.

Байкер криво усмехнулся, поправил увесистый рюкзак.

– Запомни, журналист, в Зоне прямых путей нет. Чем больше крюк, тем ближе к цели. Всё! Хорош трындеть, ёксель-моксель! Нам к обеду нужно до лагеря добраться. Слышал я, Диод с группой сталкеров хотел к «Юпитеру» отправиться: инструменты там, детальки всякие для себя подобрать. Уйдёт – придётся неделю, если не больше, в лагере куковать, а у меня, паря, на это время другие планы. Понял? То-то. Давай, я сейчас вперёд пойду. Выйдем на дорогу – снова попрактикуешься.

Мы поменялись местами, и темп движения заметно ускорился. Оно и понятно: кто я и кто Байкер. Мне, чтобы так маршрут прокладывать, ещё учиться и учиться надо было.

За домом с проломленной крышей действительно находился сарай. Стены из красного кирпича поросли синеватым мхом, в траве валялись вырванные с мясом рамы, а в тех, которые уцелели, не осталось даже осколков. Только в чердачном окне сохранилось густо заросшее пылью стекло. На нём изнутри кто-то нарисовал хищно оскалившийся череп. Мёртвая голова смотрела на нас пустыми глазницами, и от этого взгляда по спине табунами бегали мурашки.

Байкер шёл прямо к распахнутым воротам. Ржавые, с лохмотьями зелёной масляной краски, они давно вросли в землю. Из рваных дыр пулевых отверстий торчали усеянные мелкими фиолетовыми цветами тонкие нити вьюна, чьи извилистые побеги густо оплели основы дверных полотнищ.

В тёмном чреве сарая что-то металлически блестело. Судя по характерным контурам – старый колёсный трактор. Дневной свет падал широким прямоугольником в дверной проём сарая, но не доставал до брошенной техники каких-то полметра. Зато прозрачными копьями проникал сквозь отверстия в крыше и под разными углами пронзал царящие внутри сумерки, бликуя на туше стального коня. В дальнем правом углу, как раз перед проломом в стене, через который нам предстояло выйти, с треском искрил молниями приличных размеров «разрядник». Голубоватые вспышки аномалии вырывали из полумрака станину плуга с изогнутыми лепестками отвалов и прислонённую к ней решётку бороны. С острых зубьев тракторных граблей свисали пряди чего-то похожего на люминесцирующую паклю.

Байкер велел мне оставаться у ворот, а сам взял автомат наизготовку и осторожно вошёл в сарай. Встал на границе светлого прямоугольника, припал щекой к прикладу, поводит стволом «калаша» из стороны в сторону, словно сканируя помещение. Потом жестом велел мне идти за ним и, стараясь не производить лишнего шума, сделал шаг в сторону трактора.

В этот миг в кабине «беларуса» сверкнули два красных огонька. Я вскинул автомат к плечу и, не целясь, выпустил по ним очередь. Вместе с осколками лопнувшего стекла на Байкера из кабины вывалилась крыса. Крупная – размером с кошку, – она внешне мало напоминала своих нормальных сородичей. Длинный чешуйчатый хвост заканчивался пучком острых шипов, тело было начисто лишено шерсти, вместо неё кожу покрывали костяные пластины с гребнями роговых наростов. Такие же доспехи защищали морду твари с торчащими в стороны кривыми трёхгранными клыками.

Байкер чудом увернулся от прыгнувшего на него монстра, придавил его голову ботинком и нажал на спусковой крючок. «Калаш» громко загрохотал. Розовая плоть забурлила в обломках костяной брони. Крыса забилась в конвульсиях и в следующее мгновение с визгом взлетела в воздух от пинка сталкера. Описав длинную дугу, тварь плюхнулась в самый центр аномалии. «Разрядник» оглушительно затрещал, вспышкой стробоскопа осветив на миг голубоватым сиянием внутренности сарая.

– Вперёд! – прохрипел Байкер и первым кинулся к пролому в стене. На ходу сняв рюкзак, он закинул его в узкую дыру, упал на колени и на четвереньках выбрался на улицу.

Я побежал за ним, в точности повторяя его движения: скинул лямки с плеч, бросил ношу в лаз. Несколько драгоценных мгновений ушло на то, чтобы просунуть мешок в пролом: то ли мой рюкзак оказался чуть больше по размеру, то ли я попал не туда.

Когда же я полез из сарая, в чёрном пятне, обозначающем центр аномалии, сверкнули белые змеящиеся нити. Одна из зарождающихся молний быстро потянулась ко мне. Заметив опасность, Байкер схватил меня за руку, дёрнул. Набирающий силу «разрядник» только лизнул меня своим языком, но и этого хватило, чтобы нога отнялась минут на десять. Представляю, что бы со мной произошло, подзарядись аномалия ещё чуть-чуть.

Мы не стали ждать, когда моей ноге вернётся подвижность. Байкер помог мне подняться, закинуть рюкзак за спину, обхватил за пояс и повёл к шелестевшему травой лугу. Я вцепился в плечо напарника и, прыгая на одной ноге, волочил другую, даже не чувствуя, как носок ботинка запинается о торчащие из земли камни. Автомат в моей правой руке с каждой секундой наливался тяжестью, влажная от пота рукоятка скользила в ладони, но я не убирал застывший в напряжении палец со спускового крючка, в любой момент ожидая нападения мутантов.

Опасения были не напрасны. Мы только покинули деревню, как из кустов на окраине луга выскочил мутохряк-перволеток. Монстр уже успел познакомиться с людьми и знал, к чему приводят такие встречи: на шкуре виднелись следы засохшей крови и чёрные дырки пулевых отверстий. Поначалу зверь бросился к нам, но, услышав грохот выстрела, поспешил убраться в сторону.

Через несколько секунд на лугу раздалось шипение, а потом прогремел громкий хлопок: разрядившаяся аномалия подбросила мутанта в небо. На высоте десяти метров чудовищная сила раскрутила визжащего борова, слышался хруст ломаемых костей, сочащаяся из ран кровь окутала мутохряка багряной сферой. Визг перешёл в хрип, вскоре сменившийся громким бульканьем. Раскинув ноги в стороны, мёртвый мутант ещё какое-то время вращался, пока ловушка с треском не разорвала его на части.

Дождь из кровавых останков обрушился на землю. Долетело и до нас. Что-то тяжёлое ударило меня по темечку, хлопнулось в траву перед ногами.

– Да ты, паря, везучий, ёксель-моксель! – воскликнул Байкер, скидывая мою руку с плеча. – «Разрядник» тебя не берёт, мутанты в стороны шарахаются, артефакты сами с неба падают.

Он наклонился, чтобы подобрать жёлтый с красными и белыми прожилками предмет, схожий по форме с лопаточной костью.

– Это «окорок» – довольно редкий, но не уникальный артефакт. Леший за него тысячи три даст, не больше. Пойдёт в уплату твоего долга, – заявил Байкер, снимая рюкзак.

– Какого долга? – опешил я и от неожиданности встал на обе ноги. К счастью, чувствительность к моей онемевшей конечности почти вернулась, и я не грохнулся наземь, а остался стоять на месте. Правда, под кожей будто забегали тысячи агрессивных муравьёв: мышцы ноги горели, а зуд, казалось, вот-вот сведёт меня с ума.

– А ты думал, я тебе снарягу и оружие по доброте душевной подарил? – сказал Байкер, вынимая из рюкзака знакомый мне контейнер. Щёлкнув замками крышки, проводник сунул находку в свободный слот, запихал заполненное наполовину хранилище в мешок. Застегнув клапан рюкзака, закинул его за спину и, видя, что я уже свободно стою на ногах, двинулся вперёд, не предлагая помощи. – Ты мне за всё заплатишь, ёксель-моксель. Весь добытый тобой хабар пойдёт в уплату долга, а как рассчитаешься – общую прибыль пополам.

– Справедливо, – кивнул я, шагая за ним. Нога ещё зудела, и я немного её приволакивал, но идти было можно. К тому же сталкер не ускорял шаг: то ли так проявлял обо мне заботу, то ли выбирал безопасный маршрут.

Остаток пути до шоссе прошёл без приключений, если не считать огромный крюк, который мы сделали, огибая скопление аномалий вокруг оврага. Глубокий и ровный, он напоминал сделанный рукой хирурга разрез. На дне длинного углубления что-то громко булькало и вздыхало. Оттуда поднимались желтоватые испарения, и, когда ветер менял направление, доносился едкий химический запах, от которого першило в горле, а на глаза наворачивались слёзы.

Как Байкер и обещал, на шоссе мы вышли через час. Едва под ногами оказался присыпанный палой листвой растрескавшийся асфальт, я оглянулся: небольшой лужок с разбросанными там и сям кустами и деревьями; аномалии выдают себя проплешинами примятой и скрученной травы, столбами дрожащего воздуха и вихревыми воронками с кружащими в них обрывками стеблей и обломками веточек. «Хороший у меня учитель, – подумалось мне. – Уже на глаз, без приборов, могу большую часть ловушек различить!» На горизонте столпились полуразрушенные домишки и будто прощались с нами, глядя подслеповатыми глазами выбитых окон. «Расстояние-то – всего ничего, даже километра не будет, а сколько времени угрохали, – заметил я. – Да уж, с такой скоростью далеко не уйдёшь, а торопиться – себе дороже. Как говорил доморощенный стритрейсер Антоха Дружинин: “Быстро едешь – тихо несут”. Хотя в нашем случае правильнее сказать: “идёшь”, но смысл-то от этого не меняется. Разве что здесь нести некому: влетишь сдуру в какую-нибудь аномалию или на мутняка, а может, и на бандюков нарвёшься – и всё, так и останешься непогребённым на заражённой земле лежать. Потом вороны проклятые да твари всякие на обед со всей округи соберутся, косточки дочиста обглодают. И будут мои останки покоиться в этом аду, пока дождь, солнце и ветер не превратят их в пыль. Ибо в Библии давно сказано: “...прах ты и в прах возвратишься”. Аминь!»

– Эй, журналист, ты чё там, молишься, что ли? – тряхнул меня за плечо проводник.

Видимо, я произнёс последние слова вслух. «Надо же, раньше за собой такого не замечал, – смутился я. – Надо усилить контроль над мыслительными процессами, а то озвучу случайно что-нибудь из сокровенного, – потом проблем не оберёшься».

– Ты, эта, ёксель-моксель, тогда и за меня попроси, сам-то я не умею, да и не верю ни во что, если честно, – сказал Байкер и двинулся к стоящему на краю шоссе ржавому БТРу.

Я потопал за ним, внимательно глядя под ноги. За прошедшие с момента аварии тридцать лет погода и время изрядно потрепали асфальт. Во многих местах трещины превратились в большие засыпанные мусором и заросшие травой ямины. «А вот интересно, – снова задумался я. – В этой реальности четвёртый энергоблок рванул в то же время, что и у нас, или ЧАЭС вообще не взрывалась и произошёл другой катаклизм: вроде падения метеорита (а что? а вдруг?)?»

– Матёрые бродяги – особенно те, кто из первых, – на полном серьёзе говорят, мол, у Зоны свой бог, – продолжил тему Байкер. – Одни его Тёмным Сталкером кличут, другие просто Владыкой зовут. Слыхал я от них и такую байку: дескать, Монумент – это храм Тёмного Сталкера, и только истинно верующему откроется тайна возникновения Зоны, и будут ему дарованы все блага мира. А если не веришь иль верой слаб, то, прикоснувшись к храму Тёмного, душу ему свою отдашь и навеки его рабом станешь. Вот так-то.

– Занятный фольклор, – хмыкнул я и следом за Байкером сильно сдал влево, огибая похожую на муравейник кучу. «Кто его знает, что это за кучка такая, – осторожничал я. – Может, просто мусор ветром нанесло, а может, под ней мутант какой или аномалия прячется. Подойдёшь ближе, а оттуда – раз – и нежданчик выскочит». А потом спросил напарника: – И что, много таких, кто в Тёмного верит?

– Да, почитай, каждый пятый. Особо фанатичные давно уже к центру Зоны пробрались и там группировку сколотили. Говорят, все подходы к ЧАЭС заблокировали, а вокруг Саркофага так вообще несколько ярусов обороны выстроили, чтоб никого к богу своему не подпускать. Поэтому из отправившихся к станции бродяг обратно почти никто не вернулся, а те, кому это удалось, давно уже стали легендами Зоны: Семецкий, Болотный Лекарь – вчера на привале о них говорил, – Журналист вот тот же самый...

Байкер неожиданно замолчал и вдруг резко обернулся:

– Слышь, паря, а ведь кликуху тебе надо менять. В лагерь придём, сразу спросят: как звать, кто такой. А ты что им скажешь? Здравствуйте, я журналист. – Он покачал головой, скептически поджав губы. – Не выйдет. От тебя за версту салагой несёт. Какое же погоняло тебе придумать, а?

– Может, оставить то, каким целый день кличешь?

Проводник удивлённо вытаращился, даже рот приоткрыл от изумления.

– Ты же сам недавно сказал: «Слышь, паря».

– Молодец! Голова! – хлопнул меня по плечу Байкер. – Решено. Вставай на колено.

Я чуть развёл руки в стороны и вопросительно посмотрел на него.

– Делай, что говорю, – прикрикнул он, скидывая автомат с плеча. – Обряд проводить буду.

Я усмехнулся, но колени преклонил. Байкер сразу стал серьёзным. Проверил предохранитель, не перевёл ли случайно в положение стрельбы, обхватил приклад «калаша» мозолистой ладонью, коснулся стволом сначала левого, потом правого плеча со словами:

– Отныне и навсегда нарекаю тебя новым именем: Паря. Носи его с гордостью и...

– Да пребудет со мной сила, – перебил я его и улыбнулся во все тридцать два зуба.

– Балбес, – добродушно пробурчал Байкер. – Ладно, и так сойдёт. Вставай, чего прохлаждаешься? – Он повесил автомат на шею, положил на него руки и стал похож на отобравшего у вьетконговца трофеем американского пехотинца времён войны во Вьетнаме. Разве что с бородой и без панамы цвета хаки с засунутой под ремешок пачкой «Мальборо». – Ну, чего застыл? Иди вперёд, тренируйся безопасную дорогу искать.

Глава 7

Болото

Зона у любого, даже не посвящённого в её тайны человека быстро вырабатывает привычку к осторожности. Радиация, мутанты и смертельные ловушки повсюду так и ждут, когда сталкер допустит малейшую оплошность. Здесь волей-неволей начинаешь внимательно смотреть по сторонам, прислушиваться, приноживаться, контролировать каждый шаг.

Я заметил, что большинство аномалий издают всяческие звуки: электростатические – пощёлкивание, гравитационные – хруст, термические – слабое посвистывание. Кроме того, они проявляют себя запахами. Например, рядом с «разрядником» сильно пахнет озоном, от «гравиконцентра» слабо несёт сероводородом, а около «жаровни» – копчёностями. Так что, в случае крайней необходимости, по Зоне можно передвигаться и без сканера аномалий, правда, сил и времени на это уйдёт в несколько раз больше.

Невольно копируя повадки проводника, я двинулся по шоссе, прислушиваясь к ощущениям и кидая камушки каждый раз, когда казалось, что впереди ждёт аномалия. Довольно скоро я заметил странную вещь: твёрдому асфальту локальные зоны изуродованного пространства почему-то больше предпочитали мягкий субстрат и, в основном, располагались у обочины или в небольшом отдалении от трассы. Я немного расслабился и двинулся вперёд, полагаясь только на глаза и уши.

Примерно через полчаса пути рельеф стал более холмистым, пирамидальные тополя вдоль шоссе сменились зарослями кустарника, отдельно стоящими сосенками и лиственными деревьями. На склонах холмов то и дело виднелись заросшие травой глубокие воронки, иногда встречалась ржавая техника со следами давних пожаров, выбитыми стёклами и без колёс. Попался даже сбитый вертолёт с погнутыми лопастями и переломленным пополам хвостом. По всей длине кабины косой строчкой шёл ряд отметин от крупнокалиберного пулемёта. Сзади всё чаще раздавался тихий шелест одежды, бряцанье оружия и слабое жужжание сервоприводов цифрового бинокля: Байкер внимательно осматривал окрестности на предмет нежелательных гостей типа мутантов или мародёров.

– Паря, стой! – Проводник догнал меня, сунул бинокль в руки и показал, куда смотреть.

Я направил объективы устройства на вершину далёкого холма. Жужжа, умная техника настроила изображение, и я увидел, как три сушильщика, два из которых постоянно скрывались из виду, включая стелс-режим, бились с большеногом и парочкой мутохряков. По склону холма к месту драки быстро приближался цербер. Двухголовый монстр двигался огромными скачками. Качественная оптика давала возможность даже с такого расстояния в мельчайших деталях рассмотреть перекатывающиеся под гладкой кожей бугры чудовищных мышц монстра. Я лишь на миг представил, что будет, если на деле повстречаться с такой «зверушкой», и ощутил лёгкую дрожь в руках. Картинка

сразу запрыгала перед глазами, но уже через доли секунды стабилизировалась, обработанная процессором бинокля.

Тем временем цербер добрался до соперников и, словно лев на буйвола, с ходу прыгнул на большенога. Каплеобразный монстр засучил передними лапками в попытках добраться до терзающего его цербера, затопал колонноподобными задними конечностями, но мускулистая тварь ещё крепче вонзила когти в дубовую кожу жертвы и впиалась зубами в загривок. Видя такое дело, сушильщики забили на эффект невидимки и, растопырив щупальца в немом крике, кинулись на мутохряков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ponomarev_aleksandr/likvidator-teni-proshlogo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)